

18+

АЛЕКСАНДРА

ВАСИЛЬЕВА

ТУЛЭРГИ

ПО ТУ СТОРОНУ
ДНЕИ

Александра Васильева
Тулэрги. По ту сторону дней

«Издательские решения»

Васильева А. С.

Тулэрги. По ту сторону дней / А. С. Васильева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502934-8

Что ждет человека после смерти? На данный момент у фантастов больше ответов на вопрос, чем у ученых. Любая религия рисует четкую и однозначную картину. То ли дело наше воображение! У него имеются весьма разнообразные варианты развития событий. В этой книге мы столкнемся со смертью, что, вопреки традиционным представлениям, не заканчивается забвением. Переживем посмертную депрессию с людьми, чьи души скоро озарит надежда на спасение. Но возможно ли спастись от смерти, когда та уже состоялась?

ISBN 978-5-00-502934-8

© Васильева А. С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть 1	7
Поле мертвых принцев	7
Глава 1.	9
Бармен	15
Глава 2.	17
Слово, что озаглавило жизнь	22
Глава 3.	24
Один из ста пятнадцати	30
Глава 4.	32
Кардиограмма	38
Глава 5.	40
Улыбка	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Тулэрги По ту сторону дней

Александра Сергеевна Васильева

*Letum non omnia finit —
Со смертью не все кончается*
Секст Проперций

Никого нельзя назвать счастливым прежде его смерти
Солон

© Александра Сергеевна Васильева, 2020

ISBN 978-5-0050-2934-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

На протяжении тысячелетий представления людей о загробном мире менялись самым причудливым образом. Обрастая новыми легендами и героями, они обретали и новые смыслы, трактовки, прочтения. Разнообразие этих представлений может поразить воображение даже самого искушенного читателя: насколько же сильным было стремление человека объяснить смерть, чтобы на свет появилась столь богатая библиотека сочинений на эту тему! У разных народов мира имелись свои герои загробных поверий, свои посмертные пристанища. Эти мрачные обители именовались по-разному. У карело-финнов это была «Солнечная страна», у древних грузин «Страна серн». «Страной без возврата» назывался загробный мир у шумеров, у японцев – «Страной желтого источника». У маньчжурских народов загробный мир определялся просто как «Тулэрги», что в переводе означало «по ту сторону земли». Довольно расплывчатое направление, в отличие от, например, скандинавской мифологии, в которой царство мертвых Хель имело весьма четкие координаты, располагаясь под одним из корней древа жизни Иггдрасиля.

Чем больше появлялось открытий на карте, тем конкретнее становились «адреса» загробных миров. Они обретали широту и долготу, пусть и весьма условные. И все-таки это были по большей части отдаленные уголки земли, не изведанные человеком. Так, к примеру, у папуасов местом пребывания умерших являлся подземный мир, вход в который приблизительно располагался за рекой, в отдаленных нехоженных землях. То же и в якутских мифологических представлениях: там загробный мир был помещен среди Ледяного моря, за горы на севере.

А теперь, когда мы «закончили заполнять карту», когда знаем все или почти все о земле, на которой живем, возможно ли придумать легенду о загробном мире, не приписав тому конкретного «адреса»? Если мы зададимся этим вопросом, рано или поздно нам понадобится ответ на него. Такой ответ – или, вернее, один из вариантов ответов – ждет вас в этой книге.

Часть 1

Поле мертвых принцев

Она никогда не была красива и не старалась казаться привлекательной. Ею не интересовались, проходя мимо с торопливым смущением. Ей не улыбались, боясь подать ложные надежды. Однажды поставив на себе крест, она опустила руки, и те тут же сложились в молитвенную позицию. Она не стала святой. Бесконечные просьбы к всевышнему сделали ее набожной и немощной, поставив в такую же бесконечную очередь просителей. За всю прожитую жизнь соприкоснуться с красотой в живом человеческом воплощении ей так и не удалось. Та проходила мимо, прячась в лицах незнакомых людей, в словах, обращенных не к ней, в поступках, что совершались не ради нее. Музыка, которой она отчаянно посвящала все свободное от насущной необходимости время, давала лишь жажду. Неутоленная душа грезила о чуде. Чуда не случалось. Шли годы, наматывая физический возраст. Клавиши рояля, как и нотные страницы, желтели. Ее единственным спутником оставалось одиночество. Увы, нежеланным спутником. И вот наконец...

Голубоглазый ангел с золотыми крыльями улыбнулся и что-то протянул ей в ладони.

– Возьми, – мягко произнес он.

Это был ключ. Она откуда-то уже знала: такими ключами обычно воскрешают людей, заводя в них остывшие сердца.

– Тебе сюда. – Ангел указал на одну из дорог, что по-особому засветилась в этот момент.

Их было много. Сотни разноцветных дорог, переплетенных между собой, словно тугие нити. На фоне пустоты, посреди которой они стояли, эти нити слепили глаза.

– Не собьешься, – прочитал ее мысли Ангел. – По другим просто не сможешь пройти.

Она взяла из его руки ключ:

– Это ведь – только для одной жизни?

Ангел согласно кивнул:

– Одной будет достаточно, поверь. И не торопись, выбор может быть весьма сладок.

Дорога оказалась всего в несколько шагов. Ее глазам открылось зеленое поле, на котором росли диковинные цветы. Она принялась их рвать и вдруг застыла в удивлении, цветы выпали из рук: в высокой траве лежал молодой мужчина с простреленной грудью. Она подошла ближе и опустилась на колени. Он был мертв и вряд ли мог отвести взгляд во избежание нежелательного знакомства. Кровь еще сочилась из раны, вытекая яркими пятнами сквозь разорванный шелк белоснежной сорочки. Она когда-то его уже видела, когда-то давно, вот только где? Ах да: он был принцем, законным наследником короны, которому мешали взойти на престол двое братьев, строя жестокие козни. Она очень за него тогда переживала, надрывая свое одинокое сердце. Добился ли он короны, или его убили до восшествия на престол? Ответа она не знала, а все, что вспомнила, обрывалось на завязке с интригами.

Молодое лицо, обрамленное темными локонами, останавливало на себе взгляд. Тонкие губы были разомкнуты, дыхание в них остыло. На нежной шее перестала пульсировать жизнь.

Она уже поднесла ключ к его груди, как вдруг остановилась: «Не торопись, выбор может быть весьма сладок» – вспомнились ей слова ангела.

– Выбор? Разве у меня может быть выбор?

Она отдернула руку с ключом от сердца принца и, не понимая себя, встала с колен. Сделала несколько шагов по зеленой траве и снова принялась рвать цветы, дивясь их запахам и замысловатым соцветьям. В детстве рвать цветы ей не разрешали, только смотреть на них. Впереди послышалось журчание ручья. Прозрачная вода струилась по земле. Она бросила сорванные цветы в воду, и те, подхваченные течением, понеслись прочь.

Перейти вброд этот широкий, но мелкий ручей не составило бы особого труда. Так она и решила поступить, как вдруг заметила, что на дне ручья лежит человек. В первое мгновение ею овладел страх, однако вспомнив, что властна над любой смертью, она быстро пришла в себя. Отвращение прошло, уступив место любопытству. Неожиданно легко вытащив утопленника из воды, как будто он был не настоящим человеком, а муляжом, она положила его на траву лицом вверх. Он был мертв не более минуты. Жизнь, отнятая насильственно, в поспешности забыла свои краски, сохранив на лице его одухотворенное выражение. Широкий нос, густые брови и атласные губы, созданные для соблазна и только для него одного. Кем он был? Скорее всего, тоже принцем или камергером принца. Длинная серьга в ухе с гербом неведомой страны и расшитая золотом восточная одежда выдавали вельможу. Молодое смуглое лицо его, казалось, могло пригрезиться лишь искусственному художнику. В стране солнца, где появляются на свет такие лица, сейчас, наверное, плакали. Ярко-синий платок, какими принято покрывать головы высокородным особам, запутался в черных волосах. Одежда разметалась, обнажая красивое тело.

«Его нарочно столкнули в воду? Это был несчастный случай? Или он покончил с собой?»

Она приблизила руку к его груди – и улыбнулась, не обнаружив в пальцах ключа. Тот был в кармане. Посчитав это знаком, она поднялась и, недолго думая, перешагнула через смуглого юношу. В третий раз начала рвать цветы, впервые за многие годы ощущая себя самой собой. Вот как она должна была прожить свою жизнь: не прятать глаза, искать чужих взглядов, выбирать из них, осознавая свое превосходство. И пусть сейчас взгляды были потухшими, глаза полузакрытыми – азарт, который она ощущала, ни с чем в ее прожитой жизни не был сравним по остроте. Теперь она точно знала, что ищет. Идя по зеленой траве и перешагивая через трупы молодых красавцев, она больше не останавливалась.

Глава 1. Новосел

В растворенные окна небольшой комнаты лился мягкий сумрак. Отшатываясь от длинных лучей лунного света, он проникал в углы и комкался там наподобие пыли. Невысокие стены были сплошь завешены картинами. Специально подобранные по размеру, картины окружали и искусно оттеняли собой предметы мебели: большой письменный стол, два кожаных кресла, секретер с тысячу ящичков на замках. Платяной шкаф упирался чуть ли не в потолок, оставляя свободной небольшую часть стены, но и туда помещались картины. Маленькие рамки их едва угадывались, создавая эффект потертого гобелена. Различить, что было изображено на всех этих полотнах, не представлялось возможным: краски их выцвели из-за ветхости.

За большим письменным столом, положив голову на руки, спал человек. Его спутанные волосы придавали безмятежному лицу неопрятный вид, хотя накрахмаленный ворот чистой рубашки, окаймленный черным галстуком, старался все исправить. Спал человек крепко, не ощущая неудобства от выбранной позы. Не шевелясь и не произнося ни звука, он казался одной из картин, отличающейся от прочих лишь тем, что не утратила красок.

На столе прямо перед его закрытыми глазами лежал исписанный листок бумаги. Лунные блики высвечивали некоторые слова. «Ошибка!», «нарушение правил» – кричали они. «Вы обязаны», «немедленно»... но нет, все угрозы сейчас были бессильны. В полночной темноте даже предметы, находящиеся в комнате, казались дремлющими.

Вдруг дверь с треском распахнулась. Человек открыл глаза. Глаза фиолетового цвета.

– Войдите, – проговорил он машинально, еще не совсем проснувшись.

– Атанда!¹ Атанда! Меня? В академию?

На пороге стоял мальчик лет двенадцати. Выпученные глаза на изможденном лице. Стоял и вопил:

– Почто замели-то? Вырубили, значит, да и к хозяину определили! А я чист, может! Нечего тут дело лепить!

– А, вот и ты, отрок. Мир тебе.

– Аллур! – огрызнулся отрок, не меняя нагловатого тона. – Ты, стало быть, сыч?

За спиной мальчика выросли двое мужчин внушительных размеров, в странного вида форме.

– Ишь, какие важные, клифты вон даже нацепили! – мрачно оценил он.

– Простите, – вымолвил один из них, обращаясь к человеку с фиолетовыми глазами.

– Не смогли удержать, – пробормотал другой.

– А ну не заливайте, цирики! – перебил их подросток. – Да я сразу дома сказался!

Во всей его угловатой наружности выражалась отчаянная храбрость. Та самая, что подчас граничит с физическим и нервным истощением.

– ...И еще... – продолжал человек в сером на полтона ниже, словно бы чего-то смутившись. – Говорит он странно... Слов не разобрать...

– Слов? – На лице человека с фиолетовыми глазами показалось недоумение.

– Его не слышно, – разъяснил второй в сером. Напустив на себя заговорщический вид, он так же, как и его приятель, добавил на полтона ниже: – Непорядок!

– Разберемся, – невозмутимо ответил человек с фиолетовыми глазами. – Дальше я сам. Вы можете быть свободны.

Двое удалились.

---

¹ Герой разговаривает на воровском жаргоне. Для читателей, незнакомых с криминальным миром, мы приводим в конце книги словарь непонятных слов.

Отрок проводил их пристальным взглядом, презрительно шмыгнув носом.

– Дышать нечем! Без замазки я. – Он досадливо всплеснул руками. – Но не думай, я ярма не надену! – все еще стоя в дверях, погрозил он пальцем. – Не думай!

– Я знал, что будет непросто.

Человек с фиолетовыми глазами медленно поднялся с места. От его длинной худощавой фигуры в черных брюках, черном жилете, надетом поверх белой рубашки, веяло отрешенной безупречностью. Тонкие белые перчатки стюарда на руках придавали этой безупречности вычурный оттенок.

– Вижу, ты совсем не понимаешь, что происходит? – Голос у него был равнодушный, официальный.

– О чем базаришь? – мрачно осведомился подросток. – Говорю, заскучал я!

– Успокойся. Тебя здесь никто...

– Ты мне в патроны-то не набивайся, паук!

Человек с фиолетовыми глазами скрестил руки на груди и произнес, четко выговаривая каждое слово:

– Так, мелкий карманник, быстро зашел в кабинет и сел на место.

Он указал на одно из кресел, стоящих у стен.

– Это кто это тут бабочник? А что, если и так? Опять цириков позовешь? – Подросток горделиво задрал нос, но все-таки прошел в кабинет и сел на предлагаемое ему место. – Добрый клюв. Но не думай, не зачирикаю.

Человек с фиолетовыми глазами одобрительно кивнул:

– Что последнее ты помнишь?

Подросток замотал головой:

– Сказал же, исповеди не жди!

– Да-да. Только это не вопрос, а я не следователь.

Оба помолчали.

– Уже переодели?

Подросток деловито одернул рукава, украшенные металлическими вставками. Плотный блестящий материал костюма обтягивал его тело, как вторая кожа,

– Ага. Своего богатства не выдали. – На голове у него была аккуратная черная шапочка, с нашитыми на нее разноцветными колокольчиками. – Я и раньше якорником не был, на меловодье даже ни разу...

Он обхватил себя руками и принялся раскачиваться взад-вперед, оттого колокольчики на шапочке тихо позвякивали.

– Чудное у вас тут серье. Колпаки вон косякам выдают... Мануфактура – блеск!

– Придется приноровиться.

– Ага. – опять глухо согласился подросток. – Скажи, какой мне срок наматывают? – спросил он, немного успокоившись.

– Вот как, с обвинением, стало быть, уже согласился?

Отрок мрачно хмыкнул. В отстраненном официальном тоне человека с фиолетовыми глазами ему послышалась насмешка:

– С обвинением?

– Именно. – Вот только улыбки на губах того не было. – Так признаешь свою вину?

– Ничего не признаю! – опомнившись, закричал мальчик. – Ничего!

– Тогда зачем про срок спрашиваешь?

Ответ не последовал. Человек с фиолетовыми глазами продолжал:

– Срок тут только один – вечность.

Подросток перестал раскачиваться, уставившись в фиолетовые глаза:

– Чо?

Человек напротив поднялся из-за стола, не торопясь достал из секретера какие-то бумаги и подал мальчику. Его невозмутимые движения были полны не то пренебрежения, не то равнодушия.

– Вот, прочти.

– Сам прочти, – огрызнулся подросток.

– Ах да, ты, наверное, не успел научиться... – понял человек с фиолетовыми глазами и сам прочел: – Такого-то числа, такого-то месяца и года, некто, имя мне знать твое не положено, решил обогатиться за счет кармана пожилой женщины, вышедшей на пенсию с год назад. Я пропущу несколько абзацев и прочту последние строки. При попытке сбежать с украденным вор поскользнулся и упал на собственный нож, которым резал кошельки. В результате несчастного случая смерть наступила мгновенно.

Подросток захлопал глазами:

– Смерть? – Ни единого намека на страх – лишь отчаянная деловитость. – Чья это?

– Твоя.

– Ага...

– Ты умудрился повредить блуждающий нерв. Хирургическая точность.

– Ага... А где это? – спросил мальчик, ощупывая шею. Он отчего-то уже понял, где, хотя слышал эти странные слова впервые.

– Верхняя вырезка грудины. Чуть ниже кадыка. Понимаешь, отрок?

Вместо ответа отрок только закусил губу.

– Хотя что это я? Вряд ли ты успел изучить анатомию.

– Так как? – процедил отрок невнятно.

– Это был сильный колющий удар. В результате моментальная остановка сердца. Понимаешь?

– А то! Ботанику не читай! Остановка сердца, ага!

– Твоего сердца. – Фиолетовые глаза незнакомца в этот момент показались отроку пустыми и насквозь промерзшими. – Твоего. Ты и нож для такого случая выбрал удачно: узкое, не очень длинное лезвие.

Отрок о чем-то вдруг вспомнил, огляделся по сторонам, явно ощутив беспокойство.

– Сильный колющий удар, – повторил человек с фиолетовыми глазами. – С неба ты, что ли, падал? – Тут, по всей видимости, предполагалась улыбка; но иронии в его тоне не было, только сухость и деловитая отрешенность.

– Они стенку сделали... – выдавил отрок. – Я – обрываться, но тут кто-то понтанул, и... – Голос его задрожал. Не желая показывать слабость, он оборвал себя на полуслове.

– Ясно. А стилет свой не ищи. Получить его сможешь лишь некоторое время спустя.

– Получить? У вас тут что, дыроколы обратно выдают?

– Не всем. Только особо нуждающимся, – уклончиво ответил человек с фиолетовыми глазами.

Убирая бумаги обратно в секретер, он немного замешкался, перекладывая с места на место какой-то находящийся там предмет. В результате из стопки бумаг выпал листок. Отрок молниеносно вскочил на ноги и поднял его. Это был цветной фотоснимок.

– А, твой паспорт. Совсем забыл. Забирай.

– Мой пас... Чо?

– Ну, мы их так называем. На этом кадре оставила след твоя душа.

Подросток взгляделся. На снимке была запечатлена осенняя лужа, в которой вперемешку с грязью плавало несколько ярких осенних листочков.

– Не понял, – опустившись на место, решил сознаться он.

– Каждому почившему выдается подобное. Обычно это последнее, что тот видел перед смертью, последний кадр живых глаз, так сказать.

– Каким боком это паспортуха? – мысль отроку явно не давалась. – Да еще моя?

– Существует мнение, что перед смертью мы способны увидеть истинное отражение нас самих. Или же наших самых сильных переживаний. Кому-то может пригрезиться день из детства: яркий пейзаж, незначительное воспоминание, лица друзей, родных, возлюбленных, даже предметы, вызывавшие при жизни сильные эмоции. А кому-то...

– Грязная лужа?!

– Последний кадр живых...

– Да хоть мертвых! Мне какой с того парус?!

– Большой. Ты выслушай сначала. Это твое удостоверение личности. Без него здесь тебе не откроется ни одной комнаты. Некоторые двери тут просто закрыты. Они открываются с помощью любого паспорта. А некоторые – заперты.

Отрок смотрел в фиолетовые глаза и не слушал. Больше всего ему хотелось узнать, надолго ли он задержится тут, в исправительной колонии для несовершеннолетних. С ранних лет он был хорошо осведомлен о подобных местах, и попадание туда давно стало для него лишь делом времени. Отрок огляделся, поерзал на кресле. То не двигалось. «Прикручено» – решил он.

Подготавливая себя к самому худшему, он уставился на свой черный ноготь на указательном пальце левой руки. Ноготь этот приобрел столь угрожающий вид около месяца тому назад ввиду неудачного знакомства с молотком, которым требовалось сбить замок с запертой двери. Но причины со временем поистерлись, и теперь отрок считал свой черный ноготь не иначе, как отметиной тайных сил, не в шутку гордясь этим. То, что чернота на ногте уже начинала сходить, его сильно печалило.

– Я к тому, – продолжал меж тем человек с фиолетовыми глазами, – что двери можно запирают на паспорта. В этом случае они откроются только тем паспортом, на который были заперты. Ну, как с ключами. Ясно?

– Лады-лады. – Отрок деловито откашлялся, сунув снимок в нагрудный карман своего черного костюма, словно нарочно для того приспособленный. – Не погреб... – сухо оценил он это удобство. – ...сойдет.

– Вот и отлично. Впрочем, беспокоиться о своей безопасности ты скоро перестанешь. А сбежать не удастся. Так что слушай и запоминай. Ты теперь станешь работать тут.

– Ух ты! – присвистнул отрок. – Всегда мечтал о таком.

– Да уж лучше, чем быть карманником на улицах. Процедура по отбиранию твоего имени пройдет завтра.

– Чо? – поежился отрок. – Про-це-дура? – выговорил он не без труда. – Прописка, что ль?

– Нет-нет. Ничего страшного. Твое имя сократят до нескольких букв, вот и все.

– Зачем это?

– Так надо. Наша организация включает в себя несколько подразделений. И соответствующее число должностей. Например, стрелочники. Они следят за тем, чтобы человеческая жизнь никоим образом не продлилась на неположенный ей срок или, наоборот, не оборвалась до времени. Есть жнецы – кровавая должность, а так же устроители, или лицедеи. Их работа чрезвычайно сложна. Еще есть...

– Хорош дядин дом! – Резко оборвал отрок. – Все при деле! Ну а я-то у тебя кто буду?

– В твои обязанности входит... – Человек с фиолетовыми глазами задумался. – Как бы это сперва...

– А-а, небось хвостом, атасником своим меня сделать решил?

– Нет. Это входит в обязанности осведомителей: наблюдение, слежка, выяснение представлений усопшего о собственной смерти. Ты – лицедей. И еще...

– Чо? – опять переспросил мальчик. – Ли-це-дей... – Слово было для него незнакомым. – Это как балабан, что ли?

– Каждый человек как-то представляет себе свою смерть и то, что с ним станет после, – с серьезным непроницаемым лицом пояснил человек с фиолетовыми глазами. – Все должно сбыться, все его страхи, опасения и желания. Понимаешь?

Отрок не понимал, однако кивнул.

– Это в общих чертах. Пока, наверное, информации с тебя хватит, переваривай.

Отрок опять непонимающе кивнул.

– И вот еще что: ты хорошо меня понимаешь? Я имею в виду слова. Все слова, которые я произношу, тебе понятны?

– Все, – восприняв этот вопрос как издевку, грубо отрезал отрок.

– Мне тоже понятно все, что ты говоришь, – задумчиво, словно самому себе, ответил человек с фиолетовыми глазами. – Хорошо, возникнут вопросы, придешь ко мне. А сейчас уже поздно. Впрочем, здесь всегда так, и не бывает солнца. К этому ты тоже привыкнешь. – Он указал на дверь. – И верни статуэтку, что стащил, пока я читал твое дело.

Отрок оторопел, выложив на стол золотую собачку, которая служила прессом для бумаг.

– Вот так. – Человек с фиолетовыми глазами нажал на какую-то кнопку, и вскоре в дверях возникли недавние двое. – Они проводят.

– А, цирики, – вяло кивнул им отрок. – Пришли новосела в аквариум пульнуть?

Двое в сером в ответ на его реплику лишь беспомощно пожали плечами.

– Главное, помни, – между тем продолжал человек с фиолетовыми глазами. – тебе здесь никто навредить не в состоянии.

– Ага, – буркнул отрок и вышел, следуя за охраной.

Послушно пройдя несколько шагов, он незаметно шмыгнул в темный угол, оставив своих соглядатаев в компании друг друга.

Из высоких окон падал мягкий лунный свет, делая длинные коридоры впереди загадочными. Никакого другого освещения, люстр, факелов, даже свечей не наблюдалось, однако было светло.

– Ата, ата! – прошептал отрок, оглядываясь. – Файный дальник! – Восхищение мешалось со страхом, на время доставшаяся свобода подгоняла шаги и мысли. – Бить по фазе тут не будут, – вполголоса рассуждал он. – Видать, не юхонуть так просто...

– Эй, ты, незарегистрированный!

– Стой!

Отрок вздрогнул. Его и раньше ловили, и часто, но уж точно не так быстро. Он остановился и медленно обернулся на голоса, раздумывая, поднимать руки или нет.

Окликавшие были прежние двое рослых мужчин. Они подошли ближе.

– Что? Пролетку бить тут не принято? Баранки наденете?

Отрок протянул вперед сложенные руки и взгляделся в лица стражей правопорядка. Те показались ему отстраненно-равнодушными или смертельно уставшими. Примерно то же отрок подмечал и в фиолетовых глазах незнакомца, только там еще был какой-то вымороженный простор, и тот притягивал. В глазах его нынешних сторожей, напротив, ощущалось что-то отталкивающее: они были слишком спокойными, даже слегка отупевшими, и больше походили на глаза домашних животных, нежели на глаза тюремных надзирателей. Вместо того, чтобы применить грубую силу, один из них только произнес ровным, ничего не выражающим голосом:

– Ты прибыл совсем недавно, поэтому твой паспорт еще не действителен, на то, чтобы он начал действовать, нужно некоторое время. Ходить по замку без охраны, имея недействительный паспорт, запрещено.

Отрок так и замер с покорно протянутыми руками:

– Не бойтесь, что эмигрирую, значит? – уточнил он скороговоркой.

По всей видимости, стражи порядка его не поняли, так как ничего не ответили.

Отрок опустил протянутые руки, решив переменить тему, и деловито осведомился, шмыгнув носом:

– Тут без визы что, никак?

Ответа он опять не услышал, зато в одно мгновение оказался зажат между двух стражей правопорядка, как щепка меж бревен. Те, не нанося ему никаких физических повреждений, теперь тащили его тщедушное тело в нужном им направлении. :

– Вот же я бедный! – чуть ли не всхлипывая, шептал отрок. – И бедность свою заслужил... Видать, бить понт уже поздно...

Двое внушительных размеров, казалось, его причитаний вовсе не слышали. От них не исходило угрозы, и это было так странно, что отрок скоро повеселел:

– Что? – спросил он, оскалив зубы в улыбке. – В могилу ведете?

Один из провожатых понимающе закивал:

– Потерпи до завтра, парень. Как имя отберут, будешь сам себе предоставлен.

– Вот ведь... – разочарованно пробормотал отрок: разговор явно не клеился. – Ишь, мешковина какая...

Двое вдруг остановились. Отрок подумал, что они расслышали его слова, и сейчас непременно последует наказание, но ошибся. Тот, что был справа, достал из своего кармана какой-то листок и приложил к стене. Отрок не сразу разглядел, что в стене была дверь, которая теперь открылась.

– Твоя комната, – сказал тот, что был по левую руку.

– Давай-давай, парень. – Тот, что был по правую руку, легонько подтолкнул его внутрь.

Отрок так и замер, войдя в просторную комнату. Обстановка ее ничуть не напоминала тюремную: кровать, письменный стол, стулья, пара кресел, тумбочки. В высокие окна лился лунный свет. Дверь за его спиной мягко закрылась.

Он не только не чувствовал себя в заключении – страх сменился уверенностью в своей безопасности. Ощущение было новым и словно бы даже хрустело или поскрипывало в груди, как любая новая вещь. Отрок прислушался – и точно, едва уловимый приятный хруст.

Под гнетом умиротворения он свалился на кровать. Спать не хотелось, однако глаза сами собой закрывались. Он подложил под голову руку – разноцветные колокольчики на шапочке издали тихий звон, такой же умиротворяющий, как и похрустывание внутри. Перед глазами возникла лужа с осенними листьями. Изображение имело расплывчатые, мягкие тона, тихо и ненавязчиво плескалось оно в воспоминаниях.

Отрок не верил в свою смерть: он твердо решил, что его вырубили в недавней заварушке и привезли сюда, пока он был без сознания.

– Моя шимната... – прошептал он. Стянул с головы шапочку с разноцветными колокольчиками и так и уснул, не выпуская ее из рук.

Бармен

Он стоял перед приоткрытой дверью, не помня, как оказался здесь. Память являла собой жужжащий поток голосов и лиц, который пробивался сквозь его сознание, причиняя тупую боль. Ему не хотелось узнавать ни этих лиц, ни этих голосов.

Он толкнул дверь и шаг спустя уже был в ярко освещенном помещении. У стен – высокие стулья, длинная барная стойка, буфеты за ней сплошь заставлены красивыми бутылками с разноцветными жидкостями. За барной стойкой стоял ангел и сосредоточенно протирал бокалы.

– Добрый день, – произнес он, усаживаясь на высокий стул у стойки.

Не отрываясь от своего занятия, в ответ ангел лишь поднял на него глаза.

Тут он заметил, что руки у ангела были кривыми. Прямо воплощенная метафора. Он раньше такого и представить себе не мог, а тут на тебе, пожалуйста, – кривые руки.

– Ответь мне, – наконец проговорил ангел. – Что самое главное в жизни?

– Самое главное в жизни? – повторил он, растерянно глядя на криворукого ангела. – ... Семья, любовь... – Неуверенные слова сыпались одно за другим. – Дерево посадить...

Криворукий ангел отрицательно покачал головой:

– Не верно. Попробуем иначе. Кто ты?

Он вконец смутился, уставившись в пустой бокал, который поставил перед ним ангел.

– Человек.

– Ну да. Кем ты был при жизни?

Жужжащий поток голосов и лиц вдруг приобрел отчетливые очертания, и он все вспомнил. Последние годы жизни его мучали затяжные депрессии, и теперь, глядя на уродца-ангела с кривыми руками, он чувствовал только раздражение:

– Можно обойтись без этих унижительных допросов? Я умер, неужели теперь мне придется перед кем-то отчитываться?

– Нет-нет, мы же просто беседуем! Ответь на мой вопрос, скоро поймешь, как это важно. Так кем ты был?

– Ну, при жизни я был врачом...

– Врачом? Людей лечил, что ли?

Он промолчал, посчитав вопрос ангела либо риторическим, либо издевательским.

– И как, удавалось?

Он вспомнил свою работу и содрогнулся. За истекшую жизнь медицина принесла ему лишь боль и разочарование. Радость от спасенных жизней была ничтожна, как и их количество. Он опять промолчал.

– Спрошу вновь, что самое главное в жизни?

– Да не знаю я! – Раздражение в нем нарастало.

Криворукий ангел взял бокал, стоящий перед человеком:

– Вот что. – Наполнив бокал какой-то яркой жидкостью, он торжественно подал тот человеку. – Выпей!

На дне бокала позвякивали кубики льда идеальной формы.

– Красиво! – оценил человек, не в силах оторвать глаз от этих кубиков. – Всегда любил... создавать...

Ангел смотрел на него пристально, ожидая продолжения, но человек замолчал.

– Что ты всегда любил? – Голос его стал под стать льду, звякающему в бокале.

– А, ерунда! – он махнул рукой. – Любил делать коктейли...

– Так ты был барменом?

– Врачом, сказал же!

– Хорошо, – вздохнул криворукий ангел. – Отвечу за тебя. Самое главное в жизни – осуществить свои желания. Правда, сперва их надо осознать. На стадии осознания обычно все и ошибаются. Самореализация, понимаешь?

– Самореализация? – Он решил, что ослышался. Слово было явно не из ангельского лексикона.

– Каждый из вас уникален, – между тем продолжал ангел, – и для получения счастья должен делиться с другими своей уникальностью. Кто это понимает, стремится к раскрытию своего «я», а кто не понимает, прикрывается любовью, посаженными деревьями, рожденными детьми, семьей, долгом и прочим. Не стану спорить: семья и любовь важны, но преуспевают в этом единицы.

– Вот оно, значит, как... – Он глотнул из бокала, не особо вдаваясь в разглагльствования криворукого ангела.

– Те цели, что ты пытался перечислять, не абсолютны. Они подходят только некоторым людям. Тем, кто... – тут ангел на мгновение задумался, – ...что ли, предрасположен к этому. А ты вот был предрасположен...

– К чему? Смешивать коктейли? – усмехнулся человек.

– Да.

– Понятно! – Человек не знал, смеяться ему или плакать. Он опять глотнул из бокала.

– Почему такой простой вещи вы понять не в состоянии? – Криворукий ангел развел кривыми руками. – Так просто! Нет, все стремятся к одним и тем же вершинам! И никому невдомек, что у каждого вершины свои. Уникальность твоей личности так и осталась не познанной. Ты лишил себя и других чего-то прекрасного, чего-то, чем мог делиться только ты один...

Он взглянул на кубики льда в бокале по-новому. Впервые те показались ему чем-то драгоценным, утерянным им по глупости навсегда:

– Я не знал.

– Да. А между тем прошла целая жизнь. Твоя жизнь, бармен. Вот что... – Ангел вышел из-за барной стойки. – Смешай-ка мне коктейль.

– Я думал, ангелы не пьют!

– Ты вообще много думал, да все не о том, – криво отмахнулся ангел, забираясь на высокий стул рядом с человеком.

Глава 2. Обстоятельства одной смерти

Никто никогда не видел это здание снаружи. Огромное каменное сооружение с бесчисленным множеством окон не обладало четкими архитектурными характеристиками и вряд ли имело изначальный чертеж. Разделенное на две части стеклянным мостом, это сооружение казалось двумя вселенными, что лишь догадывались о существовании друг друга. Постояльцы пафосно называли свое жилище замком, упрямо не замечая того, что для замка каменная постройка была слишком громоздкой и запутанной: она больше походила на лабиринт, даже на пещеру, но никак не на изящное воплощение архитектурного замысла.

Выйти из замка не представлялось возможным, так как в его мощных стенах не было дверей. Выходами могли служить лишь многочисленные окна. Однако замок окружал глубокий ров с водой, и потому участь покидающего его через окна была предрешена: человек тонул. Пропадал в темной пучине. Возможно, то был не ров, а река или озеро, никто не знал наверняка. Линия горизонта сливалась с небесами, не обнаруживая намека на сушу.

Человек с фиолетовыми глазами медленно шел вперед. Разбавленная холодными лунными бликами, обтекала его темнота. Свечей в руках он не держал, но страха не испытывал.

С тех пор, как он тут поселился, прошло уже несколько вечностей. За обитателями замка привычки считать время не водилось. Смерть после смерти наступала для каждого неожиданно, под нее нельзя было подвести определенного срока. Постоялец замка мог исчезнуть в любой момент, перестав казаться видимым и осязаемым. Куда? Никто не знал.

Это явление обитатели замка называли по-разному: освобождением, просветлением, перерождением, новой жизнью. После просветленных уже никто не видел, и нельзя было окликнуть их по именам: имена тут же забывались, впрочем, как и их владельцы. Все рано или поздно дожидались своего срока и покидали замок. Только не он.

Человек с фиолетовыми глазами занял самый высокий пост, поскольку его сатори² никак не наступало. Проживающие в замке или, как называли каждого находящегося в его стенах, текущие, сменялись слишком быстро. Человек с фиолетовыми глазами не имел друзей, как и привычки их заводить. По слухам, он был не первым, кого обошла система, продлив его пребывание в этом месте на неопределенный срок. Однако те, кого она таким образом обходила раньше, все как один кончали жизнь прыжком из окна, и потому явных свидетельств сбоя системы, кроме себя самого, он не имел.

Человека с фиолетовыми глазами окна не прельщали: он был цельной натурой и от всего хотел дожидаться смысла. Будучи сторонником любых систем, он особенно не желал признавать изъянов в той, что претендовала на название вселенского устройства загробной жизни. За это его уважали. За это он получил статус и привилегии. Теперь он владел второй половиной необъятного замка, всеми комнатами, что находились в его крыле. Тогда как прочие пребывающие ютились по соседству, только он и его дворецкий имели доступ к просторам странных залов, что каждый день меняли обстановку, подстраиваясь под ту или иную эпоху.

Человек с фиолетовыми глазами любил свою работу и гордился ею. Сама жизнь здесь уподоблялась работе, не слишком трудной, но обязательной. Ему нравилось чувствовать себя причастным к чьему-то грандиозному замыслу, чувствовать себя особенным, даже избранным, незаменимым.

Перед человеком с фиолетовыми глазами возник длинный коридор. Стены сплошь из стекла преломляли лунный свет, делая его невероятно ярким. Единственное открытое место

---

² Сатори – в медитативной практике дзэн внутреннее переживание, просветление, познание истины.

в замке, не считая окон, снаружи было убрано чугушной решеткой в старинных вензелях. За этими вензелями всегда виднелась лунная ночь. Мост, разделяющий две части замка, имел высокий купол. До него не дотягивались даже старинные вензеля, оставляя пространство свободным.

Нигде больше человек с фиолетовыми глазами не ощущал столь величественного спокойствия. Под этим открытым небу куполом он мог простоять века. Даже в распахнутых окнах, что то и дело звали его к себе, не было такого прекрасного неба. Неба, которое знало все и наверняка, давно уже не задаваясь вопросами.

Но простаивать века человек с фиолетовыми глазами, к сожалению, не мог: у него перед замком были обязательства, которые не давали слишком много свободного времени, а то малое, что он был вправе потратить, оказывалось ничтожным. Потому человек с фиолетовыми глазами, каждый раз проходя по стеклянному мосту, замедлял шаг, черпая свое наслаждение украдкой.

И все равно время в замке это замечало и начинало торопиться. Он часто ловил себя на мысли, что время торопится только у него одного: другие всегда везде успевали, легко справляясь с возложенными на них обязанностями. Но, вероятно – эта мысль тоже его посещала часто – время в замке начинало торопиться только тогда, когда его начинали ценить. С каждым новым днем прибывшие в замок ценили время все меньше. С каждым новым днем их переставали занимать привычные вещи. Постепенно они и вовсе утрачивали интерес ко всему, что их окружало прежде.

Длинный коридор остался позади. Человек с фиолетовыми глазами остановился: перед ним была стена. Он постучал по ней, и в стене открылась дверь.

За дверью оказался ярко освещенный зал с высоким потолком. Радужно поблескивая, свисали с него большие люстры. Дожив до своих почти тридцати там, в жизни, человек с фиолетовыми глазами так и не обзавелся собственным жильем, перемещаясь по временным квартирам, связанным с такими же временными отношениями. Здесь в его распоряжении был целый мир: он даже не знал счета комнатам, которыми владел.

– Наконец-то! – Дворецкий, по виду немногим старше хозяина, держался чересчур фамильярно, то и дело забывая соблюдать субординацию. – Вы поздно, – с легкой развязностью прокомментировал он, снимая с вошедшего пиджак.

– Да. Поздно. – У человека с фиолетовыми глазами больше не было ограничений в одежде, он мог носить все, что ему заблагорассудится.

– Приготовить ванну?

– Да, пожалуй.

– Вас ожидает чай, и... – Дворецкий игриво подмигнул узким глазом. Он был уроженцем одной из тех южных стран, где жизнь, согретая солнцем, кажется проще и веселее, чем на севере.

– Что еще?

– К вам приходила Ида.

– Надеюсь, ушла? – В голосе звучала усталость – и только.

– Само собой! – Дворецкий опять подмигнул, но на этот раз без игривости: мол, все уладил, не извольте беспокоиться.

Человек с фиолетовыми глазами одобрительно кивнул и, скинув обувь, босыми ногами прошел в гостиную.

С утра это была другая гостиная, из другого века. Новая, в стиле рококо, горела роскошью убранства и, казалось, сама уставала от нее. Вычурная мебель с витиеватыми инкрустациями и шелковые коралловые обои. Человек с фиолетовыми глазами кое-как отыскал среди золота и лепнины маленький столик на тонких гнутых ножках с приготовленным чаем. Сел на приставленный к нему пуфик и задумался.

Удивительно, но за всю прожитую жизнь он ни одной минуты не испытывал отчаянья. Ущербным и уж тем более обделенным себя никогда не ощущал: природа была щедра с ним, поделившись соблазнительной привлекательностью, кое-какими талантами и даже тонким умом. Однако самодовольство его не посещало: он был доволен каждым своим днем, но никогда не приписывал эту заслугу себе. Скорее – обстоятельствам или даже другим людям. Ему были равно интересны как удачи, так и невзгоды. Он улыбался и тем, и другим, поглощая жизнь подобно куску именинного торта.

«За что же со мной так? – Этот вопрос человек с фиолетовыми глазами задавал себе каждый день, но не мог на него ответить. – За что? – Жалости к себе не осталось, только недоумение. – Я же не хотел умирать... Да и чем это я заслужил такую странную смерть?»

Он сделал глоток горячего чая. Этот глоток не прояснил сознание, даже не оказался приятным на вкус. Вкуса у чая не было, как и запаха, и температуры. О том, что напиток действительно был горячим, свидетельствовал лишь пар, стелящийся над темной поверхностью. Вкусы и запахи выветривались из памяти постояльцев в первые же недели пребывания в замке. Ощущения боли, как и температуры, притуплялись, размывались безразличием. А так как потребности в еде и питье тут не было, за неимением вкусов и запахов желание принимать пищу отпадало само собой. И все-таки человек с фиолетовыми глазами сделал глоток, за ним другой, а потом допил чай до конца.

Дворецкий откашлялся, обозначая свое вездесущее присутствие.

– Что? – прикрыв фиолетовые глаза, спросил его хозяин.

– Ваша ванна, – мягко проговорил дворецкий. – Она готова.

– Квесс! – обратился к нему человек с фиолетовыми глазами. – Я так редко бываю теперь один, а ты... – он помедлил, подбирая удачное определение, но не подобрал никакого, продолжил лишь на полтона выше, – ...ты не устаешь досаждать мне и тут!

– О! – улыбнулся дворецкий. – Я лишь хотел напомнить!..

Человек с фиолетовыми глазами махнул рукой:

– Напомнил. И надоел!

– Уволите? – заискивающе спросил дворецкий.

– Что? – Человек с фиолетовыми глазами замер, пытаясь выразить забытую эмоцию, но все его редкие улыбки были искусственны, а своего смеха он уже давно не помнил: в первую очередь постояльцы замка переставали испытывать радость.

Так как замок был в некотором роде гостиницей, для подавляющего большинства пребывающих в нем материальные блага не составляли ценности. За должность здесь никто не держался. Быть уволенным или добровольно уйти с работы не представлялось возможным: с первого дня в замке тебя распределяла система, с которой обычно не спорили. Выполняя свои обязанности, каждый из обитателей замка «сидел на чемоданах», в любой момент готовый исчезнуть.

– Шучу, Квесс.

На самом деле человек с фиолетовыми глазами ни на кого не сердился, так как больше не испытывал ни раздражения, ни гнева. Он поднялся и вышел из гостиной.

Просторная ванная комната была старомодной и изысканной. Стены ее покрывал зеленый полупрозрачный камень.

Человек с фиолетовыми глазами перешагнул порог, тотчас почувствовав легкую дрожь во всем теле. Над водой поднимался пар.

– «Странно...» – подумал он. – «После смерти тянет к предметам, что окружали ее, обстоятельствам, что ей способствовали. А после рождения...» – Мысль застряла на полпути к выводу. Зеленое, под цвет камней, зеркало упиралось в потолок, едва не пронзая его. – «Кому нравится делать из веревок петли, кому заряжать ружья. А по мне – так нет ничего лучше воды. Безмятежная смерть...»

Стараясь больше ни о чем не думать, он погрузился в воду.

Расплывшись в блаженной улыбке, он закрыл глаза и лег на дно. Дыхание он больше не задерживал: во-первых, дыхания не было, а во-вторых, умереть все равно бы не удалось. Это место позволяло переживать смерть снова и снова, но только она ничем не заканчивалась: пережив очередную смерть, ты вновь находил себя в стенах замка.

Тем солнечным днем было так же тепло, и вода была такой же мягкой. В память врезались следы, оставленные им на песке, следы в один конец. Тем солнечным днем не стоило так глубоко заходить в море. Однако никаких предупреждений со стороны судьбы не было. Никто не сказал ему: «Эй, поостерегся бы ты!» Все утопленники на одно лицо, для воды не важна причина смерти. Причину своей смерти он так и не узнал. Все утопленники на одно лицо, о чем бы они не думали, идя ко дну. Своих последних мыслей он не помнил.

Однако в то утро его посетило что-то вроде озарения. Он вдруг осознал себя важнейшей частицей мироздания. Окружающий мир открылся ему если не со стороны самого Создателя, то со стороны его подмастерья. Это озарение его сильно напугало. Он так и не успел осознать и прочувствовать до конца всего, страх пересиливал даже любопытство. Появилась усталость, которую захотелось смыть. Кристально ясное понимание мира оказалось ненужным и даже обременяло. Равнодушным и обремененным он пришел на берег моря, равнодушным вошел в теплую мягкую воду. Когда он умер и очнулся в замке, то решил, что его потопило то самое озарение, которым он так малодушно пренебрег.

Человек с фиолетовыми глазами поднялся из воды. Все мысли моментально испарились, осталась лишь струящаяся вода и ощущение себя живым. Было еще одно чувство. Оно сопровождало его с момента смерти, все попытки подавить его в себе оказывались тщетными: жажда, постоянная жажда, утолить которую никогда не удавалось надолго. Постоянную свою жажду он держал в строжайшем секрете, никто в замке даже не догадывался о его недуге.

В дверь постучали:

– С вами все в порядке? – Дворецкий был знаком с правилами замка, но все равно периодически выдавал что-то подобное. – Может быть, вам плохо?

Вопрос был явно неуместным, но человек с фиолетовыми глазами на него ответил:

– Да. В порядке. В порядке.

– Может, помощь нужна? —не унимался дворецкий.

– Я уже умер, Квесс. Что со мной может случиться?

Человек с фиолетовыми глазами стер с лица теплые капли. Ощущая себя живым, он вышел из ванной.

– Простите, – чего-то испугался Квесс.

– Не обижен, – ответил человек с фиолетовыми глазами.

Его халат представлял собой длинный черный балахон из плотной атласной ткани, надевающийся не иначе, как через голову. Рукава его были много длиннее положенного и скрывали кисти рук до кончиков пальцев.

– И... я... хотел бы... – Дворецкий медлил.

– Спрашивай, Квесс.

– Я насчет карт...

– Карт?

– Игральных, – зачем-то добавил Квесс. – Я, конечно, не игрок. Так, при жизни развлекался. Хотел бы развлечься и теперь. Где бы мне достать колоду?

– Человеку твоей должности предметы получать не положено.

– Что? Я не совсем понимаю.

– Пятый уровень, обслуживающий персонал, – пояснил человек с фиолетовыми глазами. – Предметы не положены. Я тебе уже говорил.

Квесс кивнул:

– А... – По всей видимости то, что он хотел спросить, требовало мужества. – Эм...
Как бы...

– Смелее, – подбодрил его человек с фиолетовыми глазами.

– А вы разве не могли бы?... – Выговорив это, Квесс побледнел. – Простите! – спохватился он.

– Нет. Я не мог бы, – удаляясь к себе в спальню, только и ответил человек с фиолетовыми глазами.

– Ясно.

На самом деле Квессу все еще не было ясно. Он провел в замке уже пару недель в должности дворецкого, однако привыкнуть к своему странному хозяину ему пока не удавалось. Как Квесс не старался прогонять угрюмую ауру, что тот изо дня в день носил вокруг себя, подобно грозовому облаку, все было тщетно. Человек с фиолетовыми глазами никого к себе не подпускал. Граница между ними с каждым днем становилась все отчетливее: ни намека на приятельские или дружеские отношения, только деловая официальность. А между тем Квесс был приближенным главной фигуры в замке, человека, который владел его правилами, подчиняя им других.

– Ясно, – повторил Квесс. – Никаких исключений.

Карточный вопрос поднимался за последнюю неделю уже во второй раз, и нельзя сказать, чтобы Квесс совсем ничего не понял с прошлого разговора, он просто надеялся на свое привилегированное положение. Играть хотелось страшно. Руки тряслись, в глазах прыгал бесприютный азарт. Все это усиливалось к концу рабочего дня, как сейчас, и у Квесса больше не было сил сдерживаться. Он тихо выругался, закрыл ладонями лицо. А когда отвел руки, на лице его возникло странное выражение доброжелательства. Не улыбка – дежурная стандартная гримаса доброжелательства, что подходит для всех возрастов, полов, социальных положений. Дежурная гримаса крупье, за которой разверзается бездна насмешливого лукавства и хитрости.

– Но, может, мы сможем как-нибудь договориться? – обратил он риторический вопрос к закрытой двери спальни.

Слово, что озаглавило жизнь

Себя она не любила. И другие ее никогда не любили, и она не любила других. Невозможно любить других, когда не любишь себя: такая любовь к другим превращается в поклонение или в подчинение, в зависимость или во что-то еще, калечась и уродуясь на разные лады. Она себя не любила, а всем казалась самовлюбленной, этим отпугивая редких желающих поделиться с нею душевным теплом. Душевного тепла всегда не хватало, она нуждалась в нем, готовая с самоотверженным отчаяньем платить тем же. Но жизнь любит замыкать круги, и ее круг был замкнутым. Как учат мудрецы, самовлюбленность – это нелюбовь к себе, это как раз признак ее отсутствия, самая распространенная декорация такого недуга. Но мудрецы учили других, не ее; на ее пути мудрых людей не оказалось, и некому было разъяснить, что к чему и как все исправить. Некому, вплоть до самого конца.

Сейчас ей было семь лет. Ее только что отругали за разбитую тарелку, обозвав неумехой.

С тех пор этот эпитет навсегда приклеился к ее имени. Он то и дело звучал из уст разных людей, проходящих по ее жизни, сжимая душу размеров вселенной до той, что помещалась в кулаке. Каждый произносил это слово по-своему, однако суть его не менялась. Гордостью семьи она никогда не была. Слишком рано ей стало доподлинно известно, что родители могут не любить своих детей.

Замкнутая и озлобленная, стояла она теперь перед разбитой тарелкой, которая, вопреки стараниям, продолжала падать и разбиваться на протяжении всей ее жизни.

– Неумеха! – опять холодно произнесла мать, и за ней тотчас повторили другие: ее подруги в младших классах, первый парень, второй, начальник на работе, случайный прохожий.

Она обхватила голову руками, упав на колени. Ведь когда-то давно она всех их любила. Любила же? Но вот теперь... Утратив это драгоценное чувство, сперва к родным, потом – к возлюбленным, она возненавидела каждого, кто был способен в ней усомниться, причинить боль, и осталась одна.

Острые осколки разбитой тарелки валялись перед ней, как доказательство ее пустой и напрасной жизни. Доверившись однажды суеверию, что склеенная посуда приносит несчастья, она всегда избавлялась от разбитого, не стараясь что-либо вернуть.

Итак, ей было снова семь, однако слезы не текли из глаз – она физически не могла больше плакать. Эту способность она утратила вместе со способностью любить.

– Тарелку ты разбила, девочка? – раздался взрослый голос у нее за спиной.

Она обернулась. Никогда прежде она не видела этого человека.

Как же ей хотелось соврать, указать на другого! Подобное чувство она испытывала каждый раз, когда такое случалось впервые на глазах у того, кого она еще плохо знала. Но она только глупо улыбалась и просила прощения, слыша в ответ ненавистное слово.

– Я повторю вопрос, это ты разбила? – Обладатель взрослого голоса был в два раза выше ее и смотрел сверху вниз.

Но чувство страха, что по привычке охватило ее, внезапно рассеялось.

– Какая разница, кто! – вдруг выпалила она тонким детским голосом. – Тарелка разбита, важно лишь это.

– Вот как? – удивился взрослый, и на его лице появилась улыбка. Не та притворная, какие она хорошо выучила за свою жизнь, а другая, настоящая.

– Защищаешь себя? Впервые не стараешься угодить своей правдой? – Он говорил не с ребенком, а с ее душой, а у той не было возраста. – Не стараешься выбить слезами любовь или того хуже – жалость? Сейчас на первом месте – ты, а не твои мелочные желания.

– Мелочные желания? – Детский голос дрогнул. – Разве желание, чтобы тебя любили, мелочное? – Как ей не хотелось довериться этому взрослому, привычка сомневаться взяла верх.

– Проигравших никто не любит, девочка, просящих и слабых. Любят только победителей. И тут неважно, на самом деле ты победила или же просто считаешь, что это так.

Незнакомый взрослый еще раз улыбнулся и растворился в белоснежной дымке.

– Пойдите! – закричала она, но услышала в ответ легкий смех.

– Незачем. Я тебе больше не нужен.

Она посмотрела перед собой. Разбитой тарелки не было, вместо нее высилась ровная стопка целых.

Глава 3. Прописка

Он ожидал чего угодно: палача с кровавым топором, ухмыляющегося медбрата с сверкающим шприцем, даже электрический стул. Но это была библиотека. Огромная, со стеллажами до потолка. Только заполняли их отнюдь не мрачные обветшалые тома увесистых сочинений с характерным запахом многовековой мудрости: на них стояли яркие разноцветные книги с глянцевыми обложками.

– Я на процедуру, – произнес отрок неуверенно.

– Проходи, – ответили ему незамедлительно.

Голос принадлежал девушке. Та сидела за высокой стойкой и что-то писала в тетрадь.

– Ого! Ты что еще за бандерша? – усмехнулся отрок.

– Я библиотекарь, – озадаченно поправила девушка. – Ты читать любишь? – Она пристально посмотрела на вошедшего.

– Не волочу. Что это вообще такое? – В голосе двенадцатилетнего отрока послышалось старческое разочарование. Он смотрел вокруг, на стеллажи с книгами, будто бы окруженный врагами.

– Ты спрашиваешь, что это? Это приключенческие истории, повести, рассказы с детективными сюжетами и чудо-героями. Ты же вроде как ребенок, верно? Что такое? Впервые видишь книги?

«Вроде как ребенок» впервые почувствовал себя смущенным.

– Многовато их тут...

– Зато все для тебя одного. – Девушка поднялась с места. Ее волосы, красного цвета, были аккуратно уложены в строгую прическу. Одежда точь-в-точь как на нем: блестящий обтягивающий костюм, на рукавах – металлические вставки. – Любые языки, любые жанры.

– Сказал же, не волочу я!

– Ничего. Тут не нужно уметь читать. Тут даже языков знать не надо. Разве ты не заметил, как легко здесь все понимают друг друга? А все потому, что мы общаемся на мысленном уровне. И хотя по привычке говорим слова, вместе с речью мы слышим мысли друг друга. С буквами так же.

Отрок подумал, что у букв есть мысли, и ему стало не по себе.

– Здесь, как бы ты не говорил, тебя всегда поймут! – восторженно продолжала девушка. – И ты поймешь других, как бы они с тобой не говорили.

– А... – у отрока возникла догадка. – Вот почему тот паук со странными ставнями по фене так складно стучал!

– Познакомился с Аидом³?

– С кем?

– Человеком с фиолетовыми глазами.

– Так у него есть имя? Он вроде плел, что имена скупают...

– Он с тобой говорил?

– Допрашивал.

– Странно... Аид обычно старается избегать текущих

– Кого?

---

³ Аид – древний бог греческой мифологии – правитель подземного царства душ умерших. Аид – сын Крона вместе со своим братом Посейдоном и сестрами Герой, Гестией и Деметрой, был проглочен своим отцом и спасен братом – Зевсом. Принимал участие в войне с Титанами, во время которой по преданию носил волшебный шлем, что делал его невидимым – подарок Циклопов. Само имя Аид, в переводе обозначает «Незримый».

– Так называются те, кто попадает в замок. Серая масса – мы с тобой, например. Все, кроме него.

– Кроме Аида?

– Это прозвище.

– И кто его так окрестил?

– Ну... – Девушка помедлила. – Я. И он это имя не признает. Но я все равно его так зову. Формально-то его имени больше нет. Ни единой буквы.

– А у меня будет кликуха?

– Нет. По правде говоря, здесь это строго запрещено. Хватит с тебя и букв имени. Итак, для начала дай мне свой паспорт.

Отрок хмуро вытащил из нагрудного кармана фотографию с лужей и протянул девушке.

– Теперь необходимо заполнить карточку и взять книгу.

– И все?

– После останется только прочесть.

– Барно, барно. – пробормотал отрок.

Красноволосая девушка вытащила из стопки пустую карточку:

– Диктуй свое полное имя.

Отрок продиктовал.

– Теперь выбирай книгу, ее название тоже надо будет вписать.

– Ага.

Подросток отправился бродить меж стеллажей, ощущая некоторое облегчение от того, как все обернулось: мучения и пытки и на этот раз его миновали.

Тут были самые разнообразные книги, их яркие обложки то и дело привлекали его внимание. Он смотрел на все эти диковинные сочинения и, не умея прочесть их названия, понимал, о чем они написаны. Книги, что его окружали, отнюдь не были детскими. Он взял одну с полки. Девочка на цветной обложке чем-то напомнила ему библиотекаршу. Только вот у нее не было таких искрящихся глаз, да и красные волосы выглядели иначе.

«Наверное, ее читала», – подумал отрок и поставил книгу на место. Потом он брал другие книги смелее, и также ставил их на место, даже не открывая. В конце концов, обойдя все стеллажи, он выбрал нечто по вкусу. Название книги гласило: «Кражи века». Ощущая твердую решимость ее прочесть, он схватил книгу с полки; тотчас оставшиеся книги на стеллажах стали престранно мерцать. Не обратив на это внимания, отрок с книгой вернулся к красноволосой девушке.

– Ботва у тебя... такая же, как там... – он оборвал свое наблюдение смехом.

Девушка ничуть не обиделась.

– Хочешь такие же волосы?

– С чего взяла? – возмутился отрок.

– Не смущайся! – она весело подмигнула ему.

– Да не хочу я!

– Только вот это непросто, – не услышав его, продолжала библиотекарша. – Одного твоего желания что-либо получить тут недостаточно.

Отрок усмехнулся:

– Да ну? Что украду, то мое, – заметил он небрежно.

– Здесь? Вряд ли.

– Я могу заработать все, что хочешь!

– Да ну? – передразнила девушка. – Ай да молодец!

Отрок просиял.

– Мне нужно сердце. – Вокруг глаз красноволосой библиотекарши пролегли зловещие тени. – Справишься? – произнесла она со сдавленным хрипом, явно стараясь его напугать.

– Ух! Человеческие потроха? Тут таким промышляют?

– Испугался?

– Да не...

Повисла пауза.

– Хотя об его сердце ты только пальцы обморозишь, но не заберешь. Так что и пытаться не стоит. Давай книгу.

Отрок протянул ей книгу.

– Интересную выбрал! – Девушка прописала название в карточке. Ее механические движения были четки и безошибочны.

– Давно тут? – отрок повел глазами по сторонам.

Девушка на мгновение оторвалась от заполнения документов, но, будто бы тут же забыв, зачем, так и не ответила.

– Чудно тут все. Я думал, эта ваша процедура... другой будет, – проговорил отрок чуть слышно. Тему с человеческими органами надо было обдумать.

– Подростковая, – на этот раз не отрываясь от дела, ответила девушка, – Преобразилась, как только ты вошел.

– Как это? – не понял отрок.

– Библиотека всегда знает, кому какие книги предложить для чтения. Был бы на месте тебя другой, книги на полках тоже были другими.

Отрок оглянулся, обнаружив пустые стеллажи: еще недавно пестреющие разноцветными корешками стройные ряды книг исчезли:

– Куда... Куда все подевалось?

– В небытие за ненадобностью. – Невозмутимо поставив печать тем паспортом, что взяла у него, девушка достала свой, и на карточке появились два штампа.

– О, твоя-то паспортуха меньше моей! – небрежно заметил отрок. Библиотека-трансформер его сильно впечатлила, даже напугала, и, решив не выяснять, как паспортами ставят печати, он спросил о другом. – Почему меньше?

– Ну... – смутилась девушка. – Я тут задержалась, это точно. – В нервном смешке ее послышалась горечь. – Паспорта уменьшаются в размере со временем... Так вот. Готово. – Она вложила карточку в книгу. – Читай.

– Ага. – кивнул отрок. – Только в ваших амбразурах балдоха не видать, – с неудовольствием отметил он.

– Солнце в замок не заглядывает никогда. – Девушка встала из-за стола и направилась к выходу, – Сам удивишься, насколько ярким бывает лунный свет.

Она покинула библиотеку, закрыв за собой дверь на ключ.

– Лысак? – усмехнулся отрок, придвинул книгу и стал читать.

Лунный свет, лившийся из высоких окон, действительно оказался ярким. А сюжет выбранной книги – захватывающим. Отрок читал, с каждой страницей увлекаясь все сильнее. Глаза не слипались, усталости не было. Не было и времени. Ко всему этому он еще не привык, инстинктивно ожидая рассвета, что ознаменует его новый день. Но рассвет не наступал. Когда он дочитал книгу, еще переживая события последней страницы, в высоких окнах библиотеки по-прежнему стоял ночной сумрак.

Все еще под впечатлением от прочитанного, отрок принялся разглядывать обложку, как вдруг заметил вместо названия книги две совершенно неподходящие по смыслу буквы: прописная «Р» и строчная «и». Каждое слово в книге сократилось до этих двух букв, и теперь нельзя было даже перечитать прочитанного.

Дверь открылась, и на пороге показалась знакомая красноволосая девушка:

– Ну что, как тебе... – Она не договорила.

– Глянь!

Отрок сорвался с места, подбежал к ней, но, когда снова посмотрел на обложку книги, в ее название вернулись другие буквы, и в нем был прежний смысл.

Девушка понимающе кивнула:

– Главное, ты сам это видел. Помнишь буквы?

– Ри. Там было написано «Ри»

– Поздравляю. Теперь тебя зовут Ри.

– А зачем это? – рассеянно спросил отрок: мысль для него была слишком сложной, и он не мог ее сформулировать лучше.

– Аид говорит, так положено, а я думаю, это правило более чем логично. Сам посуди: после рождения тебе дается имя, почему бы не давать имена после смерти?

– Ты доской меня не пугай! Я не умер. Тот про нерв какой-то блудный плел, ты вон...

– Не умер? – Красноволосая девушка так и застыла на месте. – О, видимо, ты перешел к стадии отрицания, – догадалась она. – Потом начнешь торговаться, жалеть себя, а дальше жди посмертную депрессию и...

– Ничо такого, – перебил отрок.

Девушка только развела руками.

– А как тебя по имени?

– Ида.

– Хорош кликуха.

– Постой! – вдруг нахмурилась Ида. – Всего две буквы? Но, судя по нашей одинаковой форме, в твоём имени их должно быть три. Как у меня.

Отрок пожал плечами:

– У меня еще домик был. А у тебя вон нет...

– Головной убор? Такой выдают только лицедеям, но на тебе форма занимающего административную должность. Это странно...

Отрок не мог понять ее замешательства и опять пожал плечами.

– Аид ни о чем тебя не предупреждал?

Отрок покачал головой, думая уже явно о своем.

– Но раз выдали такой странный комплект... – продолжала рассуждать Ида. – Ты обязан его носить.

– Заточивать копыта надо, – глухо проговорил отрок. – Я тут тянуть зону не собираюсь! Пора бы нам себя амнистировать, что ли?

– Заманчиво, конечно, – решила подыграть ему Ида. – Но...

– Не пасуй! Был у меня приятель, фартовый парень. Чалку не раз одевал. Ух, багажей за ним числилось... – отрок восхищенно потряс головой. —Продергивать сквозь стены мог. Чего тут базарить – мастер, как есть мастер! Его в глухую заделали. Так на дело с ним и не сходили... – Он вдруг тихо всхлипнул и отвернулся.

Заметив это, Ида решила перевести тему:

– Говоришь, ты умелый вор?

– Ну... – слотнул отрок. – Хорошить себя не стану...

– Есть у Аида шкатулка.

– Шкатулка?

– Да. Ценная вещица, знаешь? – Ида решила не выходить из роли.

– Довелось бачить. Надо только вспугнуть воробья, и...

– Э-э, нет, если бы просто замок! Все сложнее. Аид с той шкатулкой не расстается.

С собой везде ее носит.

– Ты хочешь, чтобы я взял карман?

Ида задумалась:

– Что, если так?

– Я не крысятник какой... А что там в шкатулке-то?
– Не знаю. Самой интересно.
– Значит, курок, – отрок потер руки. – На нем – калач...
– Может, он там свое сердце хранит? – улыбнулась Ида.
– Нам пригодится золотарь, – мечтательно заметил отрок. – Тут такой имеется?
– Нет-нет, – завертела головой Ида. – Мы ведь только посмотрим и сразу на место положим. Да и потом, чужие вещи тут нельзя взять себе надолго.
– Чо? Как это? Темно!
– Даже если ты что-то из предметов, принадлежащих другим, присвоишь себе, тебе это принадлежать не начнет, так как все вещи здесь на исходе рабочего дня возвращаются владельцам.

Отроку показалось, что его мир дрогнул.

– О чем это ты базаришь? – насторожился он. – Какого еще дня?
– Рабочего дня. Как ты уже, наверное, заметил, у нас тут – сплошная ночь. Но все находящиеся в замке просыпаются в одно и то же время, идут на работу, зная наверняка, когда ее следует закончить, и вернуться в свою комнату, чтобы выспаться для следующего рабочего дня. Вот так – по кругу. Да и сами вещи тут существуют ровно один день, потом их надо снова выписывать.

– Выписывать?

– По количеству букв в имени. У тебя их две. Тебе полагаются две вещи в день.

Дрогнувший мир отрока начал тихо переворачиваться.

– Не барахли!

– Слишком много всего сразу? Понимаю.

– А я вот нет! – Отрок отбросил из сказанного все то, что у него не укладывалось в голове, оставив пару привлекательных на его взгляд слов:

– Две вещи?

– Да.

– На халяву?

– Да. Но эти вещи тут не имеют никакой ценности. Их нельзя продать или на что-нибудь обменять.

Уже перевернутый мир отрока теперь подвергался давлению сверху, словно бы неведомый великан хотел растоптать его совершенно.

– Хватит! Ты сказала, мне...

– Да. – Иду явно веселило его воодушевление. – Тебе полагаются две вещи в день.

– Любые две вещи?

– Ну да Любые две вещи из тех, что были в твоей недавней жизни или в жизни тебе знакомых людей. Вроде больше нет ограничений.

– Блеск! Ну и где я могу грабануть свой кусок?

– Где? – Ида вдруг задумалась. – И правда, к кому теперь идти?

– Так и знал! Заарапить меня хотела! Никакой халявы, да?

– Не в том дело! Просто вчера текущий, что отвечал за все предметы в замке, исчез.

– Куда это? Небось тертый был! Вертануть казенное-то! А цирики Аида дали маху! Угадал?

– Нет! – Ида покачала головой. – Вернемся к шкатулке. А о полагающихся тебе двух вещах ты Аида расспроси.

– Двух вещах... Аида... А-и-да, – по буквам повторил отрок, сказавшись вдруг сильно озадаченным.

– Он наверняка знает, кто место того текущего занял. Подобного рода должности в замке не пустуют.

– ...Аид, да? – Замешательство на лице отрока сменилось хитрой гримасой. – А-и-д, – опять по буквам произнес он.

– Что? – Ида посмотрела на него с интересом.

– Имени у него нет, да?

– Ни одной буквы, – все с тем же интересом подтвердила Ида.

– А шкатулка есть. Странно. Как это? Ты ж говорила, барахло на буквы здесь меняют?

– А ты смысленый парень! Я тоже знаю эту его тайну. Только вот тайна эта у него не одна.

– Понял. Другая – в шкатулке. Придется вилки в шкирки запустить! – вдруг пропел отрок воинственно.

Ида тихо засмеялась.

– Чего красная-то? – отрок уставился на ее волосы. – Я так и не скумекал!

– Все-таки нравится? – Ида кокетливо ему подмигнула.

– Не-а.

– Ну, нравится, не нравится – тут уж ничего не поделаешь. Я вот сама себя не видела.

– Как это?

– Мы не отражаемся в зеркалах. Мне Аид про волосы сказал. – На лице Иды показалась смущенная улыбка. – Сказал «твои волосы, как лепестки мака».

– Чо?

– Цветы такие. У них ярко-красные лепестки.

Один из ста пятнадцати

Стоя на коленях и закрыв лицо руками, он рыдал. На вид ему было около пятидесяти. Рыдания выходили дурно, неприглядно. Однако он этого не замечал, или, замечая, считал их прекрасными в своей драматичности. Но он ошибался: ничего прекрасного не было.

Над рыдающим мужчиной склонилось существо с черными крыльями и облезлым хвостом. Очертания его были нечеткими и расплывались вблизи.

– Ну-ну, – проговорило оно после длинной изучающей паузы.

Мужчина поднял голову, на мгновение забыв о слезах:

– Ты кто?

– Сам скажи, – нехотя ответило существо. – Тебе лучше знать, кто я.

– Почему ты такое... – он поморщился, так и не подобрав нужного слова.

– По причине кое-чего скудоумия я не дорисовано и расплываюсь в своих очертаниях, – деловито ответило существо. – Сколько навоображал, столько и получи.

– Что? – не понял заплаканный мужчина.

– Воображение – дар, зависящий не от возраста, а от глубины души. – Существо пожало недорисованными плечами. – Имея плоскую душу, имеешь и плоское воображение.

– При чем тут я?

– Ты видишь то, что сам придумал. Так, понятно?

– Да-а, – промямлил заплаканный мужчина. Он не помнил своего вопроса.

– Теперь вставай. – В голосе существа не было жалости, только презрение. – По кому ты льешь слезы?

Вспомнив, что льет слезы, мужчина снова всхлипнул:

– Я потерял все!

– Ясно. Значит, по себе.

– У меня все отобрали! Я был должен столько, сколько никогда бы не получил, никогда бы не украл! Столько просто не бывает! Меня подставили! Тот, кого я считал другом, обманул меня! – Не услышав, продолжал заплаканный мужчина.

– Нет, не так. – резко перебило существо. – Совсем не так.

– А с чем вы сверяетесь? – Мужчина озлобленно огляделся. – У вас здесь есть какие-то документы? Доказательства?

Слезы на его щеках быстро высыхали.

– Я сверяюсь с тобой. Ты и есть доказательство.

– Ну так и слушайте мою историю!

– О, нет-нет, увольте! Исповеди – это не ко мне. – На недорисованном лице существа появилась усталая гримаса.

– Тогда к кому? Я хочу, чтобы меня выслушали. Я ни в чем не виноват! Я – жертва обстоятельств. Меня подставили, и, понимаете, мне пришлось покончить с собой! Пришлось! Я сражался до самого конца! Вы должны это учесть! Ну... – мужчина замялся. – ...при распределении, – закончил он туманно.

– Э, нет! – Существо покачало недорисованной головой.

– Что? Что значит «нет»? Мне пришлось! Но я не грешник, я мученик, и мне, как мученику, полагается...

– Уважаемый, тебя здесь никто выслушивать не станет! Но ты послушаешь меня. На самом деле тебе двадцать пять лет.

Пятидесятилетний мужчина довольно осклабился:

– Да! Я это знал. Я всегда был молод душой. Все потому, что у меня редкая душа! Душа авантюриста! Но...

– На твоём месте я бы не спешило обольщаться, – возразило существо с грустным видом. – Твоя душа остановилась в развитии именно на этой цифре.

На просиявшем лице заплаканного мужчины появилось недоумение:

– Как это «остановилась в развитии»?

– Говоришь, у тебя душа авантюриста?

– Да. – Второе «да» прозвучало уже совсем не так уверенно, как первое.

– Твоя редкая душа авантюриста – душа зародыша, переставшего расти. Говоришь, предали, и тебе пришлось покончить с собой?

На этот раз заплаканный мужчина просто кивнул.

– Думаешь, это подвиг?

– Это трагедия. А я – жертва обстоятельств.

Недорисованное существо расхохоталось в голос, кривя едва очерченный рот:

– Да ты просто слабак! Не потянул жизнь и помер!

Заплаканный мужчина сильно смутился:

– Но... – На самом деле возражений у него не находилось.

– На сегодняшний день ты – сто пятнадцатый. Поздравляю.

– Я – один из ста пятнадцати самоубийц?

– Неудачников, – поправило существо.

– Но мне пришлось. Это ведь смягчит приговор? Я любил жизнь... – голос его стал едва различимым.

– К сожалению, нет, это всего лишь твое заблуждение. Но не расстраивайся, любить жизнь редко кому вообще удается! – равнодушно пояснило существо.

Заплаканный мужчина снова всхлипнул.

– Не имеете права, – прошептал он в отчаянии.

– Скорее всего, ты теперь испытываешь глубокую скорбь, – понимающе кивнуло существо. – Что ж, скорбь по самому себе сладка.

– Но я правда любил... – На этот раз «жизнь» застряла у заплаканного мужчины в горле.

– Да-да. И тебе опять надо выплакаться. – Существо протянуло ему коробку бумажных платков. – Прошу.

Мужчина взял их и опять принялся рыдать.

– Я понимаю, – кивало существо. – Понимаю.

В рыданиях пятидесятилетнего мужчины не было ничего прекрасного, однако сам он так не считал, явно получая от этого действия невероятное удовольствие.

Недорисованное существо покорно подносило ему коробку бумажных платков за коробкой.

Глава 4. Лунный мост

Он проснулся, открыл фиолетовые глаза. Комната имела вид миниатюрного кафедрального собора. Окна с цветными витражами преломляли лунный свет. Готический сводчатый потолок уходил далеко вверх, теряясь в своем свободолюбии. Человека с фиолетовыми глазами давно перестали удивлять причуды этой части замка. Вчера он заснул на средневековой кушетке с книгой в руках, а сегодня проснулся в огромной кровати с раздернутым балдахинном. Он слишком любил минуты пробуждения, чтобы тратить их на окружающую обстановку, потому даже не стал присматриваться к ней, опять закрыв глаза.

Из всех биологических потребностей здесь оставался только сон, глубокий, без сновидений. Сон напоминал ему о жизни, которой теперь не было.

– Я вчера что-то читал...

Человек с фиолетовыми глазами приподнялся на локте. Вчерашняя книга лежала рядом: «История мировых цивилизаций». Он не знал, зачем читал ее, не помнил отсюда ни слова. Еще одно правило этого места – ум больше не обогащался знаниями, а душа не развивалась, все должно было оставаться точно таким же, как на момент смерти, даже общение с другими постояльцами не оказывало на пребывающих в замке никакого действия. Полистав книгу, человек с фиолетовыми глазами отбросил ее в сторону.

Предметы мебели, тяжелые и неуклюжие, располагались вдоль не занятых нишами и арками стен: пара сундуков с металлическими вставками, скамьи с высокими спинками. Поднявшись с кровати, человек с фиолетовыми глазами присел на одну из них. Издалека скамьи эти представлялись ему чем-то покрытыми, но теперь под пальцами складки материи оказались лишь имитацией, искусно стилизованным резным орнаментом:

– Готика, – проговорил он с неудовольствием и начал поспешно одеваться.

Выйдя в гостиную, человек с фиолетовыми глазами не успел сделать и двух шагов, как перед ним возник дворецкий.

– Вы рано! У вас сегодня сложный день? – Дворецкий всеми силами сдерживал доброжелательную улыбку.

– Да. У меня каждый день сложный.

– Вам что-нибудь нужно? – Улыбка все равно старалась просочиться на лицо.

– Нет, – сухо ответил человек с фиолетовыми глазами, скользнул мимо дворецкого и, даже не присматриваясь к обстановке зала, вышел на лунный мост.

Сколько раз он проходил через этот мост, туда и обратно. Туда и обратно. Он думал, что давно сбился со счета, на самом же деле никогда его и не вел. Еще вчера он как зачарованный шел тут, возвращаясь с работы, а теперь – новый день, и он опять зачарован, и опять ему не пройти по мосту, не замедлив шага. Когда-то давно в моменты наслаждения и восторга у него учащалось сердцебиение. Он помнил, что это было естественным для живого организма. Как и сейчас было естественным не ощущать сердцебиения вовсе. Сердце его не стучало. С медицинской точки зрения он просто не мог существовать.

– Аллюр, паук! – услышал человек с фиолетовыми глазами, как только открыл дверь в свой кабинет.

– Отрок? Как ты сюда попал? Я же запираю дверь своим...

– Вилочка! – отрок покрутил что-то в руках. – Слышал про такое?

Недавний полуночный гость сидел за большим письменным столом.

– Не с прорезом «Д», конечно, – он поджал губы. – Но...

Казалось, человека с фиолетовыми глазами смутить ничего не могло.

– Где взял?

– А-а! – Отрок махнул рукой. – Чего заерзал, то не десять суток! По дому казенному столько барахла покидано, на блат бы сдавать, а моя камера не по винту была!

– Интересно. – Человек с фиолетовыми глазами прошел в комнату и сел напротив гостя. – То есть сам нашел?

– А чего шурсвать-то? Под богонами лежит. Загасить даже нечего: зола одна! Но я тут вот зачем, – отрок протянул вперед обе руки, ладонями кверху. На указательных пальцах с внутренней стороны красовались странного рода черные отметины. – Что это за бубновые тузы?

– Уже? – опять не удивился человек с фиолетовыми глазами. – Имя отобрали?

Отрок раздраженно усмехнулся:

– Что-что, а барабать тут умеют. Меня окрестили Ри. Откуда эти татуировки и когда мне их намалевали? Во сне? Какого черта! Выходи на маяк, слышь, ты, паук! – Его раздражение шло по нарастающей.

– Успокойся, Ри. Эти отметины проступают сами собой, как только отбирается имя. Они символизируют твой статус. Точнее – два твоих статуса.

– Два-а? – растягивая слово, произнес отрок. – Как это?

– У тебя две должности, две работы...

– Это что, наказание? Теперь я должен ишачить за двоих? Я пайку не задавал! Почему? Почему так?

– Не знаю, Ри.

– Не знаешь? У тебя-то сколько этих... должностей? Небось, весь расписной? Не только веточки? – Отрок брезгливо покосился на руки человека с фиолетовыми глазами, обтянутые белыми перчатками. – Дай-ка сюда свой набор костей.

– Не нужно.

– Что?! А-а-а, знаю: чистые! Сам шалавый, небось! И почему из всех глухарей ты один в робу вбит? Оболочка вон белая – принц! Что, над всеми тут масть держишь? Да?

– Да. – просто ответил человек с фиолетовыми глазами. – Но все это происходит без моего согласия. Имя, например.

Отрок задумался.

– Ты ведь уже не помнишь, как тебя звали?

– Как звали... Не помню. А ты помнишь, как меня звали?

– Я и не знал. А если бы знал, то забыл бы, как и ты.

– Яман... – отрок сжал руками голову. – Яман...

– Нет-нет, тут это в порядке вещей. Теперь важны лишь две буквы: Ри.

– Ри... – повторил отрок механически.

– Долго привыкать не придется. Только вот... – человек с фиолетовыми глазами помедлил. – Видишь ли, двух статусов, двух должностей одновременно ни у кого еще не было.

– Двух татух, что ль? – сообразил Ри.

– Именно. Ты – очередная ошибка системы.

– Опять темно базаришь, паук! Какая еще запарка?

– Не важно. Итак, ты будешь работать за двоих.

– Ну и что я должен такое заработать? Как обычно? Ячмень, а в нем – ярус?

– Нет-нет.

– Тогда что?

– Золотые шкатулки с нефритовыми пластинами, на которых записаны сроки жизни людей.

При слове «шкатулки» Ри пробил озноб. Припомнив вчерашний разговор с Идой, он усмехнулся:

– Нашел пристяжь!

– Я пошутил. Тебе не нужно ничего красть. Забудь об этом. Забудь о своей прошлой жизни, как забыли о своих жизнях все, находящиеся здесь. – Человек с фиолетовыми глазами поднялся. – Знаешь, в китайском буддизме подземное царство представлено в виде отдельных залов. В них умершему назначали форму перерождения. Одну из шести. Первые две – мужчина и женщина. Другие – облики животных, птиц, насекомых, пресмыкающихся. А какую форму выбрал бы ты? – вдруг спросил он.

– Я? – растерялся Ри. Было заметно, что подобного рода дилемма перед ним встала впервые. – Я это я. Больше никого не надо. Не баламуть.

Человек с фиолетовыми глазами посмотрел на гостя с интересом:

– Ты еще слишком юн. Но ты повзрослеешь. Ты это почувствуешь. Мир вокруг тебя замедлится, ты перестанешь бояться, так как больше не будет причин испытывать страх, все обретет ясные очертания, совершенную форму, в который ты найдешь свое место, – он на мгновение прикрыл фиолетовые глаза, – и сомнения... Их станет меньше, а может, они и вовсе исчезнут...

– Ага. – Ри не знал, что отвечать на подобные глубокие мысли, таких он прежде не слышал. – У меня тут пара вопросов. – Он старался выговаривать слова, как можно тщательнее, чтобы те звучали серьезно.

– Да? Всего пара? Задавай.

– Это правда, что сердце твое заморожено и не стучит? – Ри пристально смотрел в фиолетовые глаза.

– Тут у всех не стучат сердца, но не оттого, что заморожены. Ты, наверное, уже заметил, что не дышишь?

– Я... что?

Ри чуть не закашлялся, как это часто бывало с ним от удивления, но тут вдруг отчетливо ощутил: его спазм надуманный, рефлекторный, он действительно не дышит. И не дышит уже давно.

– Сердец у нас просто нет. Как нет и нас самих. Наши тела – лишь видимость. Воспоминания. Правда, воспоминания эти временны. Все чувства формирует память. Но она скоро сотрется. Тебе даже не придется ни о чем забывать. Все забудется само, без усилий.

Ри мало что понял из услышанного, однако ему захотелось возразить.

– Но я еще вчера... – начал было он.

– Не сомневаюсь. Ты дышал и слышал свое сердце. Эти признаки жизни начинают пропадать с того момента, как отбирается имя. Как, кстати, и чувства, хотя с ними все гораздо сложнее. Но они тоже пропадут со временем. Прими это к сведению.

– Второй вопрос, паук, – быстро проговорил Ри, не желая принимать первый ответ к сведению, так как тот был сложным и требовал большого внимания. – Второй вопрос: твое имя?

– Имени у меня больше нет.

– Ну ты и спонтер! – воскликнул Ри. – Да еще и стукнутый!

– Что?

– А то! Гнать прогоны мастак! Где мое барахло? Две буквы – две вещи?

– А-а, вот ты о чем. Вижу, просветили?

– Ага.

– Тут я боюсь тебя разочаровать, милый отрок.

Ри изменился в лице.

– В связи со второй твоей новой должностью это правило не работает. Другими словами, ты не можешь брать вещи.

– Чо? – Ри как будто кто-то ударил под дых.

– Мне жаль. – В фиолетовых глазах не было и намека на жалость. – А теперь хочу тебя кое с кем познакомить... – Человек с фиолетовыми глазами поднял трубку телефона. – Пусть ко мне пойдет Ду, – монотонно проговорил он.

– Ага... – Удар под дых все еще оказывал на Ри свое действие, потому он слов его не слышал. – У тебя вон даже ни одной буквы нет! – пробормотал он, глядя перед собой. – А ведь берешь...

– Буквы нет? – насторожился человек с фиолетовыми глазами. – Что ты имеешь в виду? В дверь постучали.

– Можно? – раздалось из-за нее глухо.

– Да, войдите, – ответил человек с фиолетовыми глазами.

На пороге показался бледный блондин с ничего не выражающим лицом:

– Вы просили меня зайти.

– Ду, хотел познакомить тебя с твоим новым сослуживцем. Это Ри. Ри, как и ты, лицедей.

На бледном блондине был пестрый балахон, а на голове его Ри приметил уже знакомую ему черную шапочку с разноцветными колокольчиками.

– Необходимо, чтобы ты... – обратился человек с фиолетовыми глазами к вошедшему. – ...ему все объяснил. – он указал на Ри.

– Ясно. Выполню. – послушно кивнул бледный блондин и уставился на Ри. – Ты уже ориентируешься в замке?

– Чо? – не понял Ри.

– Знаешь, как пройти в комнаты, где мы выполняем наши административные обязанности?

– Темно барахлишь, ты, чиканутик!

В ответ блондин обвел Ри сомнамбулическим взглядом, а потом перевел его на человека с фиолетовыми глазами.

– Ты его не понимаешь, – догадался тот. – Так, Ду?

– Да-а... – протянул Ду.

– Интересно, – человек с фиолетовыми глазами дернул губами. – Хорошо, можешь идти, Ду.

Ду с тем же безразличным выражением на лице вышел из кабинета.

– Интересно, – повторил человек с фиолетовыми глазами и. – Как же нам быть с твоей работой?

– Никак! – Ри возрился на него угрожающе. – Брушить ты меня не заставишь! Хорошо устроился, день каждый тут уроки даешь, а другие, значит, на контору...! —задохнувшись от возмущения, Ри умолк.

– Вижу, ты опять ничего не понял...

– За шкатулкой своей приглядывай тщательней, паук! – Прокричав последнее уже в дверях, Ри пулей вылетел из кабинета.

– Пстой, Ри! —попытался остановить его человек с фиолетовыми глазами. Однако того и след простыл.

Длинные каменные своды будоражили воображение Ри. Он пошел по центральному коридору, от которого тянулись ответвления. Конвой его растворился вместе с именем, и теперь Ри мог перемещаться свободно. Развернувшаяся перед ним перспектива досконально исследовать замок приятно кружила голову. В предвкушении Ри принялся обдумывать план своего исследования, как вдруг, проходя мимо одного из боковых пролетов, заметил луч света, растянувшийся по всей длине узкого коридора. За то недолгое время, что Ри провел в замке, он успел четко усвоить одно: дневного солнечного света здесь нет. Однако луч перед ним к лунным явно не относился.

– Настоящий! – прошептал Ри.

Оглядевшись по сторонам, он ступил на освещенный путь. Свет просачивался из-под очень высокой и узкой двери в самом конце коридора. Выкрашенная белой краской с голубыми разводами, эта дверь выглядела нелепо, совершенно не соответствовала окружающей мрачной обстановке замка. Приблизившись, Ри, недолго думая, толкнул ее, потом подергал за ручку. Дверь оказалась запертой. Тогда он вспомнил слова человека с фиолетовыми глазами и вытащил из нагрудного кармана снимок, на котором плавали осенние листья в луже грязи. Ри помахал снимком перед дверью и опять пнул ее ногой. Дверь не открылась. Тогда Ри приложил снимок к ее ручке, сперва цветным изображением к себе, потом наоборот. Дверь не поддавалась. Ри попробовал скомбинировать махания и прикладывания, круговые движения – с движениями прямоугольными: вверх и вниз, наискосок. Но дверь оставалась непреклонной. В конце концов он выдохся и сел на пол, спиной к неподатливой двери, положив цветной снимок рядом с собой на каменный пол.

В пространстве полутемного коридора мелькнул чей-то силуэт. Появился и тут же исчез. Ри окатило липким ужасом, так как в промелькнувшем силуэте он узнал самого себя: всклокоченные волосы, тщедушная фигура с костлявыми коленями и локтями. Он слотнул, перевел глаза на высокий потолок. Немного успокоившись, Ри опустил глаза: в темном пролете коридора больше не было движений. Из-под двери, перед которой он сидел, по-прежнему просачивалось солнце. Ри дотронулся ладонью до пола, чтобы ощутить его тепло, и упал на спину: дверь в загадочную комнату открылась. Ри вскочил с пола, подобрал свой паспорт и ловким движением отправил его обратно в нагрудный карман.

– Ч-о-о?

Посреди комнаты, занимая почти все ее пространство, стоял почтовый ящик. На ящичке красовалась надпись. От этой-то самой надписи и исходил солнечный свет, будто бы из огненной звезды кто-то вырезал слова. Ри прикрыл глаза ладонью и прочитал сквозь пальцы:

– «Вопросы к богу».

Точнее, не прочитал, так как читать по-прежнему не умел, а просто проследил глазами буквы и догадался, что они обозначают.

Ящик был огромен, из черного стекла. Доверху забитый письмами, он казался нереальным, карикатурным. Ри закусил губу. На лице его возникла хитрая усмешка. Подойдя к ящику, он уже было занес руки с целью приоткрыть крышку, где лежали конверты с письмами, но что-то вдруг остановило его. Он не сразу распознал это ощущение, а когда распознал, недавний липкий ужас вернулся: Ри понял, что за ним наблюдают. И кто? Он сам. Он сам стоял в дверях и наблюдал за собой со стороны. Ри резко обернулся на дверь: так и есть! Его двойник усмехнулся и исчез. Ри опрометью бросился из комнаты, но в коридоре уже никого не было.

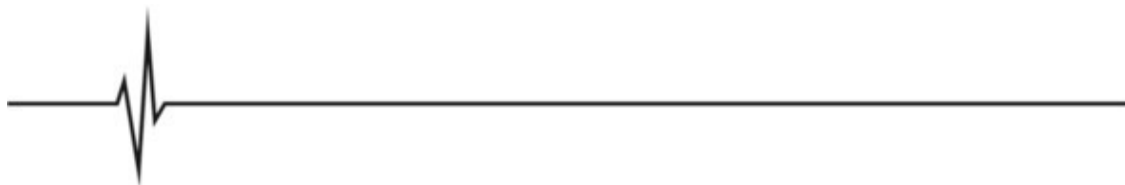
С дружбой у Ри никогда не ладилось. Он рос замкнутым и угрюмым, становясь разговорчивым лишь тогда, когда дело, к которому его приучили с детства, призывало его к себе. Воровство было для Ри всем: хлебом насущным, крышей над головой, образованием, развлечением, способом познания мира, самим миром. Все, кто находились вне этого мира, были для Ри чужими, словно бы даже и не людьми вовсе. Интересы к ним он не испытывал, равно как и интереса к тому, чего не мог украсть. Фундаментальные понятия семьи, дружбы, любви никто в него не закладывал. Примеров перед глазами тоже не нашлось. Тут можно предположить, что мир его с самого детства был крайне ограниченным. Но это не так. Правильней было бы сказать, что мир его был не занят и оттого мог вместить в себя очень многое. Вот почему новая обстановка не сводила его с ума, не повергала в смятение. Реальность изменилась, но Ри остался собой. Наполовину он считал происходящее вокруг забавным сном, наполовину не хотел просыпаться. Последнее время крыша над головой и насущный хлеб давались ему с трудом, и он был рад на время о них забыть.

– Ри! – окликнул женский голос.

Ри обернулся. Перед ним стояла красноволосая девушка:

- Заблудился?
  - А, бандерша! – Ри недовольно шмыгнул носом. – Как там, чего?
  - Ты сбежал с обучения?
  - Не басы. Я туда и не собирался! И вообще, колган... – Ри зажал голову руками.
  - Что? – На лице девушки показалось беспокойство.
  - Комар долбит у-у-у как! Так что, бандерша, не до тебя.
  - Послушай, мне казалось, мы уже познакомились. Меня зовут...
  - Не забыл! Ида. – Ри кивнул, но рук от головы не отвел, продолжая изображать приступ. – У-у-у...
  - Так почему ты сбежал?
  - Да не бегал я! Тягомотина у них там.
  - Скука? – растерялась Ида. – Ты, кажется чего-то не понимаешь...
  - О! Пауку тоже так кажется. – Ри махнул куда-то в сторону. Куда-то, где по его соображениям, находился кабинет человека с фиолетовыми глазами.
  - Я могу помочь тебе разобраться. Я понимаю, осознать все это тяжело. Но тут свои законы. Их просто надо соблюдать.
  - Воровайка! – восторженно оборвал Ри. – Уважаю.
  - Ида смущенно пожала плечами.
  - Да нет... Но тут по-другому никак.
  - Ри нахмурился:
  - Откуда знаешь, что никак?
  - Смысла нет. Охота нарушать правила у тебя скоро пропадет.
  - Правила? – кивнул Ри. – Понимаю. Сам варганку крутить не люблю, – добавил он с важным видом.
  - А пока у тебя эта охота не пропала, ты можешь причинить ощутимый вред нашему обществу. Так что мне придется за тобой следить и...
  - Вред пауку, и все тут! – догадался Ри.
  - Он же здесь главный. – Ида опять пожала плечами. – На нем и вся ответственность.
  - Цвиркать на паука! – решил Ри.
  - Скоро ты поймешь. Он единственный, с кем тут вообще можно говорить. Он...
  - Цемус, я уже понял. Сегодня плел про какие-то ржавые шкатулки. Все равно цвиркать!
  - Ладно. Не хочу, чтобы тебя искали. Так что, Ри, пойдем со мной.
  - Айда, – согласился Ри. – А когда фриштыкать? И кто баландер?
  - О, еда тут – больше эстетическая категория, вкусы тоже постепенно забываются.
- Но не бойся, сил не лишишься.
- Ри расхохотался:
- Чудно тут у вас!

Кардиограмма

Глаза ее были открыты, открыты уже давно, и, как бы она не пыталась, не удавалось ни закрыть их, ни даже моргнуть. Она лежала на спине, а над ней нависал белый туман, слишком плотный, чтобы быть настоящим. К тому же у тумана было лицо – лицо спящего. Из тонких щелочек полужакрытых глаз сочился свет, из ноздрей вырывались миниатюрные облачка, свидетельствующие о равномерном дыхании.

Картина эта ее не умиротворяла, напротив, раздражала.

– Это несправедливо! – наконец воскликнула она. – Ты спишь, а я даже глаз сомкнуть не могу!

Туман встрепенулся, словно бы все это время ждал, когда она заговорит, открыл заспанные глаза. Они были ярко-голубыми, а вместо зрачков – кругляшки солнца.

– Что? Повтори, пожалуйста! – Туман зевнул.

– Несправедливо! —повторила она, все еще лежа на спине. Странно, но подняться или поменять положение ей в голову не приходило, словно бы такого в принципе быть не могло.

– Понял-понял, – кивнул туман. – Придумай заглавие своей жизни, и сможешь закрыть глаза.

– Это что, условие? – неохотно догадалась она.

– Если хочешь.

– Ясно, – поймав себя на знакомом ощущении, будто бы съезжает по высокой горе вниз, она вздохнула. – Пусть это будет – «кардиограмма».

– Кардиограмма? – переспросил туман.

– Да. Очень похоже.

– Совсем не похоже. Если сопоставить с твоей прожитой жизнью, вниз ты съезжала гораздо чаще, чем поднималась вверх. Это не кардиограмма. – Туман опять зевнул. – Не подходит. – Он подмигнул ярко-голубым глазом.

– Очень даже подходит! – заупрямилась она.

– Ну разве что кардиограмма больного человека... – В уступке тумана сквозила явная жалость.

– Позволь мне закрыть глаза. Это все, о чем я прошу.

– Это слишком много для того, кто не выполнил условие договора, – проговорил туман мягко. – Разве что...

– Что? – ей очень хотелось закрыть глаза.

– Разве что ты признаешь себя больной?

– Признать себя больной? И все? – не поняла она.

– Да. – Туман прищурился. – И все.

– Да пожалуйста. Только какой в этом смысл?

– Жизни, подобные твоей, избылиуют... как бы это сказать помягче... жалобами, претензиями. Поверь, эдакого добра у нас целые склады. Если ты признаешь себя невменяемой или больной, объем жалоб станет немного меньше. Я понятно излагаю свою мысль? – Туман расплылся в вежливой улыбке.

– То есть... – Мысль для нее была слишком большой и целиком не умещалась в сознание. К тому же за ней следовала нескончаемая вереница других мыслей. А ей хотелось только одного: закрыть глаза.

– То есть, если другими словами, никто ни в чем не виноват. Никто не делал твою жизнь невыносимой – кроме, конечно, тебя самой.

– Вот это да! – перебила она, – А как же... Как же... – от возмущения слова рассыпались. – А как же все эти жестокие люди, которые меня окружали на протяжении всей жизни? Они причиняли душе моей боль, и в конце концов сделали ее бесчувственной, и потому равнодушной! Разве это не они больны?

Туман тяжело вздохнул, выпустив несколько клубов себя же самого:

– С ними отдельный разговор. Они к тебе не имеют никакого отношения.

– Что? То есть, как это не имеют? Они были моими...

– Да-да: любимыми, родными... – Он не дал ей закончить. – Ну и что, мало ли на свете дурного? Вопрос риторический, конечно. И нет разницы, кем оно тебе приходилось. Но люди ведь могут выбирать: оставаться рядом, как радиацию впитывая в себя эту тьму, или уйти. Если они выбирают первое, четко осознавая последствия своего выбора, мы тут ни причем, увы. Это мало кто понимает. В основном, – туман поморщился, – пишут жалобы... Ну так что? – продолжил он бодро. – Удаляем жалобы? Признаем себя ответственной? Виновной и больной?

Мысль для нее все еще была огромной и все еще не умещалась в голове.

– Подумай-подумай, времени у нас много, а потом – хоть вечный тихий час.

– Не хочу больше думать, хочу спать. Что надо подписать?

– Да, собственно, ничего. Признать только.

– Хорошо, признаю.

– Дальше, – осклабился туман.

– Я признаю себя ответственной за неудачи собственной жизни.

– Вот и славно.

Туман рассеялся, и на лицо ее с небес посыпался легкий пух. Приятная мелодия заскользила в пространстве. Она закрыла глаза и тотчас уснула.

Глава 5. Пятый угол

Он вошел в гостиную и зажмурился: потолок подпирали колонны, по углам таились многочисленные керамические вазы с причудливой росписью, стены украшала фресковая живопись. От охотничьих сцен, перемежающихся сценами свирепых баталий, рябило в глазах. В интерьере замок никогда не повторялся. Игнорировать его меняющуюся обстановку человеку с фиолетовыми глазами сперва удавалось редко, однако со временем ежедневный архитектурный калейдоскоп стал для него делом привычным.

В дверях появился дворецкий с амфорой в руках.

– Ранняя античность, – констатировал человек с фиолетовыми глазами.

– Вина? – лукаво подмигнул дворецкий.

– Тебе бы больше подошел хитон.

– Вы же знаете, не положено. Присаживайтесь. – Дворецкий указал на скамейку, стоящую у стены. К скамейке был приставлен низкий трапециевидный стол на трех ножках в виде звериных лап.

Человек с фиолетовыми глазами приглашение принял.

– Я тут подумал... – проговорил он тихо. – Как обращаться к тому, у кого нет имени?

Дворецкий начал наливать вино в хрустальный бокал.

– Может, все дело в этом? У меня больше нет имени. Для других я будто бы уже исчез, все забыли, как меня звали когда-то.

Стараясь скрыть удивление и немного подумать над ответом, дворецкий откашлялся. Отвечать вопросом на вопрос или вовсе не отвечать ему тоже было не положено.

– Вы не первый, кто лишился имени целиком, – начал он неуверенно, подбирая в уме продолжение. – До вас были другие. Должны были быть другие! И это должно что-нибудь значить.

Дворецкий с важным видом подал наполненный бокал человеку с фиолетовыми глазами.

– Да-да, конечно. – Тот махнул рукой в его сторону, жадными глотками отпивая хмельную жидкость. О том, что жидкость была хмельной, оставалось только догадываться. Проверить было нельзя: хмель в голову не ударял. – Все вы твердите одно и то же. Одна и та же пустая риторика. Знаю, выслушивать меня – твоя работа. И ты получил ее, как и я свою – не по желанию, но...

Тут человек с фиолетовыми глазами задумался. Можно ли утверждать, что свою работу он получил не по желанию? Наверное, можно, ведь он ничего не знал о ней прежде. Но если бы знал, разве не пожелал бы именно ее, главную должность?

Дворецкий ждал.

– Ладно. Забудь. Я ухожу. – Человек с фиолетовыми глазами резко поднялся с места и быстрым шагом направился к выходу.

Квесс взял допитый им бокал, приблизил к лицу, потянул носом – запаха не было. Вино еще оставалось на дне амфоры, но пробовать его у Квесса желания не нашлось. Человек с фиолетовыми глазами вышел за дверь. Сегодня за ней его ждала Ида.

– Привет, – с улыбкой проговорила девушка.

Он не был смущен, лишь раздосадован:

– Разве тебе не положено быть на месте?

– Я заходила к тебе в гости. Вчера.

– «В гости»! – недовольно повторил он. – Тебе известны часы приема.

– Я не по работе.

– Зачем тогда?

Девушка провела ладонью по его щеке.

Он отвел ее руку:

– Твои действия лишены смысла. Знаешь об этом?

– Не хочу знать! Я ведь люблю тебя, Аид!

– Это невозможно. И не называй меня этим именем. Оно не мое.

– Знаю. Но у человека должно быть имя.

– Интересно. Подслушивать чужие разговоры в твои обязанности, насколько я помню, не входило.

– Подслушивать? Я не подслушивала, – растерялась Ида. – Ты, наверное, тоже думал об этом?

– Да. И совсем недавно. Так почему у человека должно быть имя? Может, ты знаешь? – Человек с фиолетовыми глазами пошел вперед.

– Имя делает видимым, – ответила Ида почти сразу.

– Видимым? По-твоему, я невидимка?

Ида поравнялась с ним:

– Да. Для остальных ты невидимка, но я тебя вижу. Вижу, потому что люблю.

– Эти твои слова тоже лишены смысла.

Они шли рядом, но не касались друг друга даже краями одежды.

Ида грустно улыбнулась:

– Почему?

– Ты сама знаешь. Это невозможно. Перестань вести себя так, будто смерти не было.

Здесь все иначе...

– Разве? – Ида остановилась, заставив остановиться и человека с фиолетовыми глазами:

– Что? – обернулся он на нее. – Что «разве», Ида?

Ида встала на цыпочки и поцеловала человека с фиолетовыми глазами в губы.

Каждый вновь прибывший со временем терял характер, какие-либо отличительные душевные качества, присоединяясь к большей части обитателей замка. Даже человек с фиолетовыми глазами нередко замечал это за собой: равнодушие стало преобладать над его желаниями. Все это происходило само по себе, против воли, которая тоже постепенно стиралась. Это случалось со всеми, рано или поздно. Однако Ида, находясь в замке уже довольно давно, никак не утрачивала своего оптимистичного настроения и желания жить. Жить как прежде, не отказывая себе в чувствах.

– Я люблю тебя!

– Довольно. Не смей лгать себе. Ты мертва. Ты перестала что-либо ощущать с момента своего последнего вдоха.

– Нет, это не так.

– Ты напоминаешь мне моего нового дворецкого, – отвернувшись от нее и опять устремившись вперед, размышлял вслух человек с фиолетовыми глазами. – Квесс пока еще не лишился своего забавного характера и способен шутить, но ты... – он сделал паузу. – Прошло уже много времени, однако ты все еще здесь. Это странно, не находишь?

Покорно следуя за ним, Ида не отвечала. Они прошли лунный мост и стали петлять по коридорам замка. Наконец человек с фиолетовыми глазами остановился перед одной из дверей:

– Все желают уйти отсюда поскорее. Что насчет тебя? Не задумывалась над этим? Возможно, именно твои глупые эмоции держат тебя здесь...

– Ну и пусть держат, хочу быть с тобой как можно дольше. – Ида по-прежнему была позади человека с фиолетовыми глазами и отвечала ему в спину.

– Нет. Не хочешь, – возразил он.

– Хочу! – гаставала Ида. – Решил, что все должно вращаться вокруг этих твоих глупых правил?

– Эти правила не мои.

– Конечно. Правила замка. А ты – механизм порядка, его главная шестеренка, да? Тебя раздражает, если кто-то вдруг им не подчиняется! Я ведь права, Аид?

Человек с фиолетовыми глазами, так и не ответив Иде, толкнул дверь кабинета. Та была приоткрыта. Войдя внутрь, он запер дверь на ключ.

– Хорош пятый угол, ничего не скажешь! – присвистнул Ри. – Крошку отшил, и сюда прямиком. Лапшевый ты, паук! – Он досадливо покачал головой. – Она даже вон считает тебя главной шестеркой замка. Могу подписаться!

– Отрок? – не удивился человек с фиолетовыми глазами. – Шестеренкой, – поправил он тихо. – Как прошел день на работе?

– Хана твое дело... – хмуро отрезал отрок.

– Да, выбирать тут не приходится. А что, занятие не по душе? Вроде на этапе обучения всем все нравится...

– Золь, мотня порватая!

– Ясно.

Ри лукаво прищурился:

– Аид, значит?

– Подслушивать... – Человек с фиолетовыми глазами хотел продолжить наставление, но передумал, махнул рукой. – Это не мое имя.

– Своего-то нет!

– Точно, нет.

– Я тоже тебя так звать буду, – решил Ри.

– Нельзя.

– Почему это?

– Уже объяснил, это не мое имя.

– А чье?

– Владыки загробного мира. Он владел душами умерших. Властвовал над самой смертью.

– О-о, этот Аид был тот еще духовой туз! Так уж он сам, наверное, помер? Чего имя не забрать?

– И в самом деле!

На этот раз Ри заметил на губах человека с фиолетовыми глазами настоящую улыбку – не холодную и официальную, а реальную, живую. Появившись совсем на короткое время, эта улыбка даже не оставила следа.

– У меня тут тоже есть власть. – Человек с фиолетовыми глазами откашлялся, словно хотел проглотить едва пробившийся смех.

– А что, как я, на цирлах дыбать не привык? – проговорил Ри, понизив голос до угрожающего шепота.

– Тут подчиняются не мне, а правилам замка. – Снова отрешенная официальность. – Я лишь олицетворяю эти правила. А теперь уходи, мне надо работать.

– Она тебе маресса? – Ри закатил глаза.

– Кто? Ида? – понял его человек с фиолетовыми глазами. – Нет! Откуда ты всего этого понабрался?

– Ну, нет так нет. – Ри пожал плечами. – А колостойник? – вдруг таинственно проговорил он.. – Расколотся не хочешь?

– Почтовый ящик?

– Да, тот, что с голубями.

– О, ты уже и до него добрался. В коридорах не заблудился?

- Ага, много их тут, но я-то пузыря не пустил!
- Сперва будет казаться, что весь замок из одних этих коридоров только и состоит, а потом привыкнешь.
- Про колостойник давай! – решив, что его отводят от темы, напомнил Ри.
- Давай. Постояльцы полагают, эта шутка принадлежала одному из их бывших соседей, нашедшему свой ответ в иронии.
- Шутка? – переспросил Ри осторожно.
- Согласен, этот ящик похож на чудо. Но вряд ли кто-то из текущих когда-либо был способен творить чудеса.
- Вчера он был полным. Сегодня в нем – пустота. – Ри вопросительно уставился в фиолетовые глаза.
- Ты хочешь знать, кто забрал письма? Бог, полагаю. Они же ему адресованы.
- Их забрал ты, – безапелляционно заявил Ри. – Ну?
- Да. Вчерашние письма забрал я. Но я не всегда их забираю. Порой они сами собой пропадают.
- Куда это?
- Не знаю. Пропадают лишь некоторые, большая часть писем так и остается лежать в ящике, пока я их оттуда не вынимаю. Их пишут постояльцы замка. Как правило, вновь прибывшие.
- А ты?
- Что?
- Ри помедлил:
- Твои голуби? Когда-нибудь... ну, богу?
- Писал ли я когда-нибудь богу? – Человек с фиолетовыми глазами помолчал, потом ответил: – Да, и совсем недавно. Но переписка у нас никак не завязывается. А между тем вопросов становится все больше.
- Отрок понимающе закивал:
- Я в этом деле не очень. Колени преклонять пробовал, но выходило плохо. У нас были свои мастера с богом делиться! Жаль, я не успел с ними...
- Ри оборвал себя на полуслове. Слова «не успел» вели к неизбежной мысли о смерти – а в свою смерть он все еще не верил и думать о ней всерьез не желал.
- Ну а что тени? – отогнав неприятные мысли, спросил он. – Думал, я не замечу? Пришлось косяки бросать, знаешь!
- А, ты познакомился со своим отражением. Его пребывание тут вполне законно. У вас с ним на двоих – одно имя, одно лицо.
- Куклим?
- Нет, ему не нужен твой паспорт, чтобы открывать комнаты. Тени проходят сквозь стены, сквозь предметы и даже сквозь людей. Тебе придется смириться с его присутствием. Отражения в замке имеют независимый статус.
- У отрока загорелись глаза:
- И как мне с ним навести коня? Мы навздюма таких дел...
- Ри! – одернул человек с фиолетовыми глазами. – Он тебе не брат. Не друг. К тебе он никакого отношения не имеет, как не имеют к нам отношения наши отражения в зеркалах. Уяснил?
- Ри кивнул.
- Теперь иди. Удачного тебе дня.
- Ри вышел из кабинета. Пройдя несколько шагов, он огляделся и тихо присвистнул. Перед ним возникла Ида:
- Ну что?

– Амба. Сердца у него нет. Нечего и базаровать. Каблуков он тебе не ломает, так что рюмить глупо. Но, – отрок прищурился, – он точно знает больше нашего!

Ида тихо рассмеялась:

– Ты молодец! Все выведал!

– Хоть твой Аид стойку и держит – расколем!

– Ну это вряд ли...

– Зарубку дать могу!

– Не надо. – Ида посерьезнела. – Из тебя вор, может, и хороший, а вот лицедей... Пора браться за работу!

– Не понимаю я в этом! – грубо отрезал Ри и хотел было пуститься наутек, но девушка схватила его за руку.

– Не убежишь!

– Цапли убери! – буркнул Ри. – И не думал намыливаться. А ты чего – воспет? Образовать решила?

Ида отпустила его руку:

– Ты лицедей! В твои обязанности входит устраивать самое что ни на есть представление вокруг человеческой смерти. Разве это не интересно?

– Я вершушник, каких поискать! А те... твои поселухи только хвостом шевелить горазды!

– Нет-нет, это их работа. И они с ней прекрасно справляются. Слышишь? Это работа лицедеев!

– ...По мне так мотня порватая! – Проговорил Ри с брезгливым выражением на лице. – И ваще хорош меня байровать! – добавил он, повысив голос, и рванул от Иды наутек. – Догони!

Ри бежал долго, бесконечные коридоры петляли в глазах. Пока ноги не свела судорога, остановиться он не мог. На этот раз за ним никто не гнался, бояться было некого, однако Ри испытал знакомый ужас. Тот, что испытывал множество раз – страх загнанного зверя. И пусть этот страх был отчасти им надуман, пусть не имел весомой причины, механизм самосохранения все еще заводился в нем с пол-оборота.

Ри прислонился к стене. Переведя дух, осознал, что не имеет ни малейшего представления о том, где находится. Он стоял в начале длинного коридора, прозрачные стены которого украшал витиеватый рисунок. Просачиваясь сквозь него, лунный свет ложился вокруг замысловатыми узорами.

– Блеск... – Ри сделал несколько шагов вперед и оказался пронизан светом. В этот момент он готов был поклясться, что насквозь. Ри невольно залюбовался, впервые он видел нечто подобное, и в его словесном запасе не находилось слов, чтоб это описать, потому он продолжал бормотать: – Блеск, блеск...

– Ри! – окликнул знакомый неприятный голос.

– Что надо? – буркнул Ри в ответ, не отрываясь от созерцания.

– У нас не хватает людей. Каждый лицедей на счету. – Бледное лицо Ду в лунных бликах казалось совсем белым.

– Фу ты, мандраж какой! – поежился Ри.

– Ты хоть и новичок, и обучение прогуливал... И тебя я не понимаю... – Ду будто бы задумался. С белого лица стерлось всякое выражение.

– Э-э, – неохотно позвал Ри. – Ну!

– Включайся в работу. Ты должен. – Снова заговорил Ду размеренным, спокойным тоном, как будто был не человеком, а машиной – Задача ясна?

– Гляньте, задвинутый какой! – Если Ду не понимал Ри, то Ри того понимал прекрасно. – Лады, лады! Айда. Скажи, что это за место? – Ри повел рукой, указывая на стены.

– Что?

Ду огляделся и словно только сейчас заметил: он находится совсем не там, где находился прежде.

– Нам сюда нельзя. Это вход в его часть замка. – Слово «его» у Ду прозвучало глухо и как бы отдельно от других слов.

– Чью? Аида, что ли? – догадался Ри.

– Надо уходить.

– Лады-лады, чеканутик! – примирительно закивал Ри. – Разберемся.

Улыбка

Место действия: не определено

Действующие лица: покойный, двойник покойного (в молодости)

Дополнительная информация: неопытный лицедей (новичок)

На лице его висела улыбка. Именно висела: он ощущал ее отдельно от себя, будто бы она была наспех приделана к лицу посредством одного лишь гвоздя. Пронзительная боль сводила мускулы, заставляя их каменеть. Раньше эта улыбка была его собственной и поддавалась управлению. Раньше... Он стал вспоминать, когда это раньше, как вдруг перед ним возник он сам, только моложе. Ничуть не удивившись такому повороту событий, он хмуро кивнул в знак приветствия. Тот, что был моложе, кивнул в ответ, деловито раскрыл папку, и стал прилежно изучать ее содержимое:

– Тут написано, ты очень жестокий человек. Даже не знаю, верить, нет... – на губах у него была еще та, настоящая улыбка. – Ума не приложу, как ты к нам-то попал... – он вдруг запнулся, словно бы проговорившись о чем-то важном.

– Разве мертвый может быть жестоким? – Он вспомнил, что умер.

– Хм... Так ты врубаешься, что помер? – Удивился тот, что был моложе. Потом, смутившись, произнес тише: – Осознаешь себя мертвым?

– Я осознаю себя мертвым давно, – ответил он, словно ставя точку в их диалоге.

Тот, что был моложе, понимающе кивнул и опять углубился в чтение:

– Тут написано, у тебя вместо сердца – фингал!

– Синяк? – Не понял он. – Как это?

– А я знаю? – Тот, что был моложе, раздраженно сплюнул.

Он внутренне усмехнулся, заметив про себя, что подобные манеры были не в его привычках.

– Ох, досталось же мне... – Продолжал тот, что был моложе, с настоящей улыбкой.

– Ты – слишком уж мутный кадр. Как родился, так и помер: одно «Я» в окружении «Я»!

– Что? – Он почувствовал, как у него зашекотало в носу. – Что ты имеешь в виду? –

— Приделанная улыбка подрагивала при каждом произносимом им слове. – О чем это ты вообще? – Теперь он точно знал, тот, кто перед ним, им самим быть не может.

– Ой да брось, вместо сердца – синяк. Ты когда-то умел любить, да вот тебя все чаще ненавидели. Понятно же! В великую душу наплевали великое множество раз, и она стала каменной, кирпичной... Нет, каменной лучше. – Тот, что был моложе, глубокомысленно покачал головой. – Метафора...

Он никак не мог понять, что это за странные щекочущие импульсы, которые теперь из носа перебрались на лицо, и только сглатывал, стараясь преодолеть непривычные ощущения. Тот, что был моложе, между тем продолжал:

– Тут еще написано... Какой гений только дело шил? Тебя предали. Дважды. Один и тот же человек. Ну ясен пень, ты потом и делов натворил... Пошел в разнос, да?

Все эти события его жизни были драматичны и действительно сотворили из его сердца подобие груши для битья, и то окаменело. Все эти события не могли припоминаться без горь-

кой скупой слезы, но теперь, прочитанные вот так, небрежно, со стороны, они вдруг показались ему до нелепости комичными.

– Вот ужас-то! – продолжал не то ужасаться, не то восхищаться тот, что был моложе. – Иш ты, пеньковый галстук вон натянуть хотел! – он всплеснул руками, точнее, одной рукой, так как другой все еще листал страницы в папке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.